
стопов ✶ поворотов нет
RAF
KILLT DIE SCHWEINE!
фото Бру и Ульф <www.pognali.com>
СЕНТЯБРЬ'2006
61 / 2006
#61
НОМЕР, ПОЛНЫЙ ОТВРАТИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ И ГАДКИХ КАРТИНОК. РЕДАКЦИЯ ПОКАЗЫВАЕТ СВОИ ИСТИННЫЕ ЛИЦА, СОВЕТУЕТ ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ ИДТИ РАБОТАТЬ НА ЗАВОД И ПРЕДЛАГАЕТ ВЗОРВАТЬ ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ МИР К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ.
ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР
MEMENTO MORI

Информационно-развлекательный журнал "НАШ" #61, сентябрь 2006 года. Издатель и учредитель: ООО Независимая издательская организация "Дива"/Адрес редакции и издателя: 49038 Днепропетровск, пр-кт Карла Маркса, 98, 80562.32-25-80, 8056.370-42-68,<art@nash.org.ua>/Журнал отпечатан в типографии "Украина": Днепропетровск, ул. Комиссара Крылова, 7а, 0562.347711/Главный редактор – А.В.Бухман/Тираж[25000]экз./Цена договорная/Свидетельство о регистрации кв#3605 от 24.12.1998

фото: **александр кадников** <kodak67@mail.ru>

CAST

издатель и главный редактор **антон бухман**
дизайнер **андрей побегаев**
цветоделение и pre-press **андрей давыдов**
редактор **макс шевцов**
арт-директор-дизайнер-и-всё-такое **игорь николаенко**
коммерческий директор **виктория никитина**
менеджер по распространению **виктория заворотняя**
дизайнер-цветокорректор **виктория аксютина**

женя самборський(ERO),івано-франківськ

banksy(robin banks), [подсолнухи]

THANK

Благодарим за помощь в подготовке #61(в беспорядке): Егора Ковальчука, Алексея Цветкова-мл., Николая Троха, Диму Прибытько, Анечку Сороколет, Александра Кадникова, Елену Афанасьеву, ТОТЕМ, Ст. и Ю. Волязловских, Нобра, Таню Замировскую, Андрея Краснящих, Владимира Федорова, Сергея Солонского, Юрия Цаплина, PPP, Валю Котика, Жанну Кадырову, Наташу Филоненко, коктейль Молотова, Машу Краснову-Шабаеву, агентство TROIKA, Анатолия Ульянова, Сергея Плахотина, Сергея Назарченко, RAF, В.М.Молотова(Скрябина), Стефана Бланшета, Леонида Тишкова, Андрея Родионова и гр. "Окраина", Полину Борисову и Лидию Ланч, Дж.Авиньона и Дев.Банхарта, Олега Тарасова, Михаила Котомина, Сергея Молчанова, Валеру Постера и Лену Авдееву и многих других хороших людей. СПАСИБО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА.

Спасибо Ан.Ульянову <http://proza.com.ua/>

РЕДАКЦИЯ ХОРОНИТ ПОСЛЕДНЮЮ НАДЕЖДУ СОЗДАТЬ В ЭТОМ МИРЕ ЧТО-ТО НОВОЕ И ПРЕДЛАГАЕТ УБЕДИТЬСЯ В ТОМ ЖЕ ЧИТАТЕЛЮ, РАССМОТРЕВ ОБЛОЖКИ ДРЕВНЕГО ЖУРНАЛА HARA-KIRI.

Основан во Франции в 1969 году отпетыми циниками и провокаторами от журналистики и дизайна. Неоднократно был под угрозой закрытия. Прекратил существование по причинам коммерческой несостоятельности (кончились деньги).

фото андрей побегаев

СПАСИБО!

производителям рекламы – в знак любви и уважения

ОТ РЕДАКЦИИ

РЕДАКЦИЯ И ХОТЕЛА БЫ СКАЗАТЬ ЧТО-ТО НА ПРОЩАНЬЕ ЧИТАТЕЛЮ, ДА НЕ НАШЛА СЛОВ. ВМЕСТО ЭТОГО ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ЛИЦА ЛЮДЕЙ, ВСЕ ЭТИ ГОДЫ ДЕЛАВШИХ ДЛЯ ВАС "НАШ".

Взгляните и выбросьте этот журнал на помойку. Нам там будет хорошо.

арт-директор НА!!!его Игорь Н. на выездном заседании бойцовского клуба. Декабрь 2004 г., Гуляй-Поле.
>

литредактор Макс Ш. обрывает дискуссию в киноклубе
<

ниже: оргия в редакции

данке Сергею Назарченко

тщеславие

нам пишут

danke Алику Мильштейну, Мюнхен

LEBEN ist LEBEN

POST office

"...К сожалению, книга о типичных немецких традициях глазами русского человека написана и издана только по-немецки (Максим Горский – "Германия. Инструкция пользователя"). Надо, чтобы кто-нибудь её перевёл. Очень полезно было бы почитать.** В любом случае, там целая глава посвящена типичному немецкому хобби – войне с соседями. Вероятно, война соседей сидит у германского народа в кро-ви, как приобретённый признак со времён феодальных войн или ещё раньше. Здесь зачастую можно встретить два холма, на которых стоит по замку, и не исключено, что владельцы враждовали. Сейчас происходит то же самое, но только во всех масштабах – начиная от кресел в кино, заканчивая домами через улицу.

Переходя к конкретному примеру: на одном этаже со мной живут 2 пожилых человека. Живут они в этом доме больше 30 лет. Дом маленький, так что убежать некуда. Коридора нет – только лестница. Сосед-ворчун пишет ежедневно записки шариковой ручкой и лепит их скотчем к чему-нибудь в ванной, даже к занавеске для душа с внутренней стороны. Зачастую места на клочке не хватает, и он заворачивает текст и пишет по краю бумажки вокруг уже написанного текста. Ещё нужно заметить, что он долго жил в Бразилии, а затем в Штатах, поэтому его чисто баварская речь часто транслитерируется английским правописанием. Содержание записок на неделе обычно довольно безлично, вроде "Вас трое, кто пользуется этой ванной (прим: сосед с суицидальными наклонностями снизу тоже пользуется), смойте хоть раз грязь на кафеле" (прим: кафель лежит уже лет 50 и стёрт, и даже если вымыт, выглядит грязным). Затем поэт переходит на личности и атакует своего непосредственного соседа – соседа-гея. Пишет, как например, сегодня: "Кох, (прим: фамилия такая) ты уже здесь 30 лет живёшь. Я знаю, это ТЫ ставил сюда свою грязную тарелку, медведь-грязнуля (прим: чисто баварское выражение, Saubaer. Двусоставное слово, состоящее из слово Медведь (Baer) и Sau – свинья, свиноматка, неряха. Вообще-то, вероятно, в баварском лесу было слишком много медведей. По-баварски лакрица называется Baerndreck, что буквально переводится как "медвежий понос". Прим 2: в связи с особенностями грамотности ворчуна, зачастую он путает слово Saubaer (грязнуля) и sauber (чисто), используя первое написание в двух противоположных смыслах и частях речи)". В эту неделю атака на гея усилилась со всех сторон. Нужно заметить, он круглый год ходит в одной и той же дырявой майке, готовит одно и то же (по запаху и парам жира в воздухе), из его комнаты ползут тараканы. Он часто от скуки или немецкого спортивного интереса стучать на соседей сидел возле двери, оставляя щель, чтобы просматривать лестничную площадку площадью в 2 кв. м. Собак соседа сверху, хорвата и пьяницы, это совсем не устраивает, и они жутко лают, когда дверь открыта. Гей орёт "заткните ваших собак" и включает погромче телевизор, чтобы заглушить их

лай, … что хорва… орёт: "заткни свой ср… телевизор, а то убью (или позову полицию)". На прошлой неделе он так и сделал – позвал полицию. По голосу приятная девушка-полицейский пыталась вникнуть в ситуацию и что-то всем насоветовала. После её ухода хорват ещё пару раз громко стучал ногой в дверь с криками про телевизор. Нужно заметить, его самого пару раз брали в полицию за нанесение телесных повреждений.

Вернёмся к ванной. Последнюю неделю Кох стал сжигать записки, адресованные ему, оставляя жуткое зрелище в нашей "невероятно стерильной" ванной. На что ворчун сделал великолепный ход ферзём: на дверь в ванной повесил аккуратно вырезанную статью из великой пропагандистичной газеты БИЛЬД (прим: печатный лозунг газеты: "тебе твоё мнение", где спереди перед словом "тебе" в звуковой рекламе говорится "создай", но подразумевается "мы тебе дадим") о том, как пара 40-летних геев-садистов убили 17-летнего (с описанием всех подробностей). На лбу у главного героя той же синей ручкой ворчун написал что-то вроде:

"Посмотрите, какие звери.
Это же ужасно!"

FOLTER-MORD
Hat er ihn mit dem Bajonett erstochen?

Дмитрий Леденцов <dmitry@ledentsov.de>

запад

фото:валя котик<nogaruka@ua.fm>

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

восток

практика

БУДУЧИ ЧЕСТНОЙ ПЕРЕД СВОИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ, РЕДАКЦИЯ ОТКРОВЕННО ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО ЭТА СТАТЬЯ ВАС ХОРОШЕМУ НЕ НАУЧИТ. КАК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ, ВПРОЧЕМ.

[я родился 2 марта,/ как герой вулфовского"теста",/ кислоты в котором/ не больше, чем в камне теста./ но, позвольте, а где же рифма/ со словом "марта"?/

тут подходит место рождения -- Нижневарто... перебью вас, а будет рифма со словом "рифма"?

Макс, маньяк Цветков-мл (это ведь значит "марксистско-ленинский"?) продолжает бомбить тебя. Вот мой текст про РАф. Отдельные куски могут показаться тебе прямой рекламой террора ("V" значит сам знаешь что). Другие куски покажутся истерикой. Третьи – вторичным популяризаторством. Поэтому разрешается (это текст-конструктор без особой внутренней композиции) взять ЛЮБЫЕ нравящиеся места и любые выбросить, как заблагорассудится дорогой редакции. Если вздумаете, названия у него нет, и вместо названия подойдут просто эти три красные буквы.

...нет ни малейшей причины доказывать посторонним людям правильность чего-либо. Мы делали это достаточно долго. Мы хотим рассказать об освобождении ... не трусливым интеллектуалам, засранцам, которые знают обо всём лучше всех..., но тем, кто понял, что сами они - узники. Идите в дома с многодетными семьями, пролетариями и их жёнами, которые только и ждут, чтобы дать по морде тем, кому следует"
из программного документа РАФ, газета "883", 5 июня 1970 года.

справа: ульрика майнхофф
7.10.34-9.5.76

"И так далее, и так далее, и так далее", как любил говаривать Иосиф Бродский. Я писал бы такое или писал бы о тех, кто пишет такое, если б не светился от ненависти. Поэтому я расскажу о дне своего рождения иначе.

хольгер майнц
26.10.41 – 9.11.74

2-ого марта 75-ого, пока я делал первые в своей жизни глотки таёжного воздуха в Нижневартовске, немецкие анархисты безо всякого суда покинули тюрьмы, безо всяких билетов сели в лайнер "Люфтганзы" и свободно отбыли на восток. Это показывали в прямом эфире бундес-телевидения. Заключенных анархистов обменяли на захваченного их товарищами Лоренца, кандидата в канцлеры. Прессе не удалось встретиться с ним в тот же день. Хорст Малер отказался выйти из тюрьмы, ссылаясь на то, что его трактат "Другие правила дорожного движения" ещё не готов, а заключение создает идеальные условия для подобных сочинений. Тысячи людей аплодировали этим громким пощечинам империализму.
Я родился в этот день. Это никак не связано. Если только однажды я не захочу связать.

Они родились для жизни, которой ещё нет, и создание которой только и может нас оправдать, считал Ванейгем. Чтобы научить рабов решать судьбы своих хозяев. Чтобы подкрепить детские претензии современной теорией и не менее современным оружием.
Чтобы взорвать стену между личной и всеобщей историей.
Они называли окружающих "рыночными питекантропами", имея в виду, что эволюция уже шагнула дальше, и на повестке дня война двух разных видов человека, между которыми не может быть компромисса. Представьте себе войну умелого кроманьонца против безлобых неандертальских орд. Насилие - единственный способ коммуникации.

"Лежите тихо, в конце концов, это не ваши деньги!" - кричал распластанным сотрудникам банка Хорст Малер, стреляя для понятности в потолок. Из адвоката в боевика он превратился, когда понял, что деньги вообще не могут быть чьими-то. А вот им, деньгам, наоборот, принадлежат все. Все люди прежнего вида. Если вы не сторонник эволюции, замените слова "прежний" и "новый" на слова "нормативный" и "другой", смысл от этого не очень пострадает.
Однажды, открыв дверь конспиративной квартиры на Кнезебекштрассе, Малер встретился взглядом с дулами двенадцати пистолетов, смотрящих на него. "Мои поздравления, джентльмены", - говорит он, поклонившись. Думаю, он поздоровался именно с пистолетами. Все, кто боялся и соблюдал закон, были для людей нового вида всего лишь устройствами, биологическими приставками к финансовым потокам, падающим по ступеням властных иерархий, двуногими машинами воспроизводства рыночных отношений. "Другие правила дорожного движения" можно понять, только помня это. Малер любил машинные метафоры. В снятой им конспиративной квартире у окон и дверей весь день работали магнитофоны, выдававшие на лестницу и на улицу стук пишущих машинок. Изображался офис. Собирались зажигательные бомбы.
Малер аплодировал в своей камере, когда одна из подобных бомб взорвалась и американского сержанта, успевшего побывать во Вьетнаме, похоронил автомат, торговавший кока-колой.
С людьми прежнего вида не может быть разговоров. "Им нечего ждать от Нас, кроме враждебности и презрения", - составляют РАФ заранее кодекс поведения в тюрьме. "В генетической войне нет нейтральных", - любили они цитировать Тима Лири.

Недавно Хорста Малера спросили: "Почему же за вами не пошло большинство, вы же были известнее рок-звезд?". Старый адвокат и бомбист, отсидевший всё, что полагалось, грустно ответил: "Потому что большинство всегда видит себя в роли жертвы, особенно - случайной жертвы, но никогда не представляет себя бойцом".

"Здравствуй, фашистская свинья", - по очереди говорят судье Принцингу Майнхофф, Энслин, Баадер. Каждого из них немедленно выводят из зала. Они не будут присутствовать на собственном суде. Ян-Карл Распе говорит Принцингу: "Ты не оставил нам шанса относиться к тебе иначе, кроме как целиться в тебя из пистолета". Между людьми двух разных видов возможен только разговор языком оружия. "Языком оружия", - Баадер хотел, чтобы история РАФ называлась именно так. "Никакое оружие критики не заменяет критики оружием", - любил он цитировать Маркса.
Его беспокоило, что аполитичные литераторы употребляют в отношении РАФ слово "молитва", даже если они сочувствуют.

Астрид Пролл везет им оружие на краденой "Альфа-Ромео". На горной дороге она попадает в буран и впервые за много дней остается совершенно одна. Только бешеный снег вокруг. Ей кажется, это танцует костная мука за стеклом. Молотая кость. Такой мукой кормили заключенных в лагерях смерти, разваривая её в воде. Такую муку оставят полицейские вместо взрывчатки,

Хорст Малер

▼ судья Принцинг

▼ Ульрика Майнхоф

▼ Гудрун Энсслин

▼ Андреас Баадер

▼ Ян-Карл Распе

Петер Лоренц, заложник РАФ ▼ ▼

Астрид Пролл конвоируют в суд ▼

гудрун энсслин
15.8.40 – 18.10.77

когда обнаружат в гараже арсенал РАФ и установят за ним круглосуточное наблюдение. Система перемалывает тысячи скелетов, бросает в жернова любую жизнь. Вместо революционного взрыва власть предлагает нам есть молотую кость. РАФ пытались совершить нечто обратное - превратить нашу костную пыль в пластит. Занятость - в действие. Необходимость - в выбор. Костной мукой кормят коров на фермах. Философия власти, как бы она сегодня не называлась, требует от нас признать историю повторением циклов, признать, что в людях не больше шансов развития, чем в коровах. Но корова не знает, что она - корова, и потому ест, что дают. Сам факт осознания своего положения и ощущение своих возможностей - вечная опасность для власти.
Вечный ресурс борьбы.
Первые свои "Беретты" они купили у нацистов из подпольного клуба "Волчье число". Этой сделке предшествовала жесткая дискуссия, но победила диалектика: добро делается из зла.

В чем была минимальная практическая цель "Бригады Баадера"? Сформулировать очень просто, но чертовски трудно исполнить. Навсегда запугать сильных мира сего, власть имущих и собственностью наделенных. Сделать их навечно податливыми, немного подавленными. Отравить всю их жизнь ни в чем не растворимым ужасом. Для этого надо дать примеры такого людоедства и вампиризма, такие преступления, которые только и могут сравниться с грехами правящего класса, являются их отражением. Это во-первых. А во-вторых, нужно столь сильное и такое красивое, теоретическое и эстетическое оправдание этого справедливого людоедства, которое сделает его привлекательным и оправданным на веки вечные. Йозеф Бойс посвящал свои инсталляции заключенным РАФ. Жан-Поль Сартр брал у них интервью. Идол немецкого поп-арта Герхард Рихтер выставлял в галереях огромные цветные портреты Баадера и Майнхоф, скопированные с плакатов "они разыскиваются".
Итак, всякий, кто чувствует в себе вампира, пусть готовит зубы и выбирает жертву. А остальной, кто не чувствует - слишком книжен, вежлив, воспитан, подавлен, растоптан - пускай сделает образ вампира магнетическим, поднимет мысли и мотивы его на уровень выше некуда. Станет добровольным рекламным агентом революционного людоедства. Ничего нет прогрессивнее, чем сеять ужас, заставлять трепетать буржуазные семьи или превращать таких сеятелей ужаса в святых, в пророков справедливости, в творцов знания, в делателей истории.

Гламурные журналы заказывают мне статьи о "легендарных" и "непревзойденных" РАФ. Нельзя ли, спрашивает редактор, связать их с модным кино, ну, с "Матрицей", например?
В первой серии "Матрицы" безупречно выражен пафос городских партизан, ведущих войну с организаторами всеобщей иллюзии, остановившими время в конце 90-ых плантаторами поколений, пожирающими нашу энергию. Но вторая и третья серии включают обычный для такого "двусмысленного" кино приём - источником зла оказывается не вся Система, но её отдельный, сломавшийся элемент. Фашизм, который РАФ видели повсюду, оказывается не сутью Системы, но отдельным перегибом в отдельных местах, требующим устранения. Революция заменяется реформой, а поражение плантаторов их улучшением. Всем городским партизанам предлагается стать добровольными полицейскими и озеленителями улиц. Пафос же первой серии оказывается чрезмерен и ошибочен. Партизаны перепутали злоупотребления властью с её сутью. В этом смысле, трёхсерийная "Матрица" - это история того, как менялась идеология "выживших" и "вписавшихся" герильерос.

У них имелось своё кино. Навсегда запрещенное "Сопротивление" Майнхоф, в котором нет ничего подрывного, кроме личностей - Баадера и Энслин. Или Хольгер Майнц. Он явился к скульптору Хоффу с просьбой сделать стальной корпус гранаты и большое тело бомбы, которое удобно держалось бы под женским платьем, на корсете.
- Зачем? - спросил скульптор.
- Для моего революционного фильма, конечно, - ответил режиссер. - В финале там Мадонна среди торговых рядов рожает бомбу.
Этот ответ вполне устроил Хоффа. Нужно стремиться к ситуации, когда все скульпторы будут настолько понятливыми.
Майнц снял короткое кино о том, как сделать и метнуть зажигательную противополицейскую бутылку и не вспыхнуть при этом самому. Рок-н-рольную историю о взаимоотношениях металлического цинка, гексахлорэтилена и нитрата. Эпос о машине, взрывающей в назначенный час саму себя. Собирался снять пару музыкантов, возившую динамит в коляске, вместе со своим грудным малышом.
"Мы все умрем. Единственно важное, за что ты умираешь и как ты для этого жил. У меня была ясность: воевал со свиньями за людей. Я любил жизнь и потому мне плевать на смерть", - за месяц до смертельного исхода своей тюремной голодовки писал Майнц. Последний и самый революционный свой кадр режиссер сделал после смерти. Фотография его почти испарившегося (42 килограмма) тела попала в журналы и стала иконой. Партизаны РАФ носили "Майнца" с собой, чтобы их челюсти никогда не разжались для иудиного поцелуя, примиряющего человека с Системой.

На следующий день после смерти Майнца председатель верховного суда Западного Берлина Дренкман увидел у себя на пороге двух миловидных девушек. Таким любят давать микрофон в популярных ток-шоу. Ничего не понимая, он улыбнулся. Одна протянула ему букет красных роз, а вторая изрешетила судью пулями. Цветы остались на месте преступления. Эти эмблемы социал-демократии перепачкались в крови приговоренного юриста и лежали вокруг трупа, как холодное извинение за то, что позиция в войне может стоить жизни.

Ещё про них несколько раз брался снимать Шлендорф. Его считают не то "сочувствующим", не то "понимающим", как и Стефана Ауста, тусовавшегося с РАФ, избегавшего оружия и через много лет возглавившего "Шпигель".
В "Легендах Риты" две Германии, сжимаясь, давят

▼ судья Дренкман

её как ножницы. Две судьбы марксистской утопии: недостижимая, в ФРГ, была двигателем всей жизни, реализуемая, в ГДР, стала тормозом на пути. Герильерос остается только погибнуть на исчезающей немецко-немецкой границе. Фильм, кстати, консультировался одной из отсидевших участниц многих RAFовских дел.

Сколько можно продать в России маек, если писать на них "мои родители из РАФ"? - интересуется представитель модного магазина - и на каком лучше это делать языке? По-английски, чтобы все поняли, или всё же по-немецки, для создания аутентичности?

Городской партизан Груздат талантливо сделал острую проволоку, режущую шины полицейских у атакованного воющего банка. Когда завербовавший его в революцию Малер попадается, Груздат начинает строить у себя в гараже крошечный геликоптер. План таков: эта самоделка зависает над тюрьмой, бросает лестницу и "цепляет" товарища, чтобы унести его из мест разрешенного заключения в царство запрещенной свободы. Побывав в гараже, товарищи крутят пальцами у виска. "Если мы собираемся изобрести новое общество", - говорит им Груздат, отгородившись от маловеров маской сварщика, - "то уж вертолёт - это не проблема".

Дочке протестантского пастора снились городские площади, укрытые коврами из мертвых голубей. Тысячи мертвых крыльев. Навсегда в 77-ом она стоит в воздухе своей камеры 720 тюрьмы Стаммхайм. Зависла над полом, преодолев притяжение. У трупа вид ученика, который не станет возражать воспитателю, но никогда не согласится с ним.

"Юрист" - написала она на папке, которую, в случае своей смерти, просила передать канцлеру. Эту просьбу обещала исполнить христианская миссия. Этой папки нигде не нашлось.

Я часто вспоминаю это, когда вижу священников или юристов, особенно, если они вместе. Это не личные эмоции, а полезное обобщение. Вера и Право, как два понятия, необходимые Власти, в которую целились РАФ. Знание - Действие - Революция - вот чем предлагали они заменить эти большие слова.

"Я заявляю, что ни у кого из нас нет желания убить себя", - утверждала Энслин за месяц до своего тюремного "самоубийства", синхронного с товарищами, - "если же вам предъявят наши трупы, знайте, что это было политическое убийство". Об этих словах и ночном суициде троих заключенных лидеров РАФ спорят до сих пор. Мнения расходятся в зависимости от радикализма спорящих и их доверия к Системе. Некоторые считают, например, что Энслин имела в виду нечто вроде "любое самоубийство - это убийство обществом".

- Я верю в то, что однажды сытых затошнит от их сытости",- объясняла она мотивы поджога супермаркета на своем первом процессе.

Огонь в торговом зале должен был перенести реальность вьетнамской войны в жизнь тех, кому она выгодна. "Гори, супермаркет, гори", - пели студенты на митингах поддержки за стенами судебного здания. Насчет тошноты сытых Гудрун оказалась не так уж и не права. Сын швейцарского миллионера и боевик РАФ Вернер Заубер погиб в перестрелке с полицией. Итальянский миллионер Фельтринелли прятал оружие, динамит и боевиков РАФ в своих замках, тайно плавал на личном корабле в Алжир и Ливию. Издавал всю необходимую литературу и практические руководства городских партизан. Курсировал на своём чёрном Ситроене по всей Европе, чтобы "наладить общий фронт между всеми, кто готов держать оружие". Если уж и браться, то браться за оружие - считал он. Жаль, что в моей стране его вспоминают чаще, как первого издателя "Живаго", за которое Пастернак получил Нобелевскую Премию и был надолго отлучен от советской литературы.

"Мы не заставим их говорить правду, но зато они будут наглядно и бесстыдно лгать", - обещала Гудрун, рассуждая о противнике, - "нам нужно 25 часов ненависти в день". Она раздавала новые нелегальные имена. Изобретала термины партизанского языка. Её любимый "Моби Дик", роман об охоте за особенным китом, - источник псевдонимов и подпольных кличек первого поколения РАФ.

В модной лаковой куртке цвета "вамп" она машет нам из 77-ого года. К чему вставлять личные впечатления в такой текст? "Фашизм начинается с разрыва между частным и общественным поведением" - тоже её слова. Её первому мужу, талантливому и несчастному сочинителю Весперу, привиделось под кислотой, что половина его тела пылает, как напалм, и это жидкое пламя имеет облик Гитлера. "Опыт и ненависть - вот откуда берется энергия", - писал он мемуары о стреляющем подполье в немецком дурдоме.

Они вдвоем успели сняться в бессюжетном "Абонементе". Студенческое кино, где тела противопоставляются сообщениям.

Система. Именно РАФ и им подобные научили в те годы весь мир писать это слово с большой буквы. Что ненавидели РАФ?

Место, где недопустимым считается бросать пирожные вместо аплодисментов политикам, сжигающим города, отравляющим страны и обрекающим народы.

Время умирающих в рассрочку. Заживо похороненных в офисах и цехах, в камерах и супермаркетах, в школах и на пляжах, в кухнях с мебелью, приобретенной в кредит. Эпоха, когда мечты обязаны быть отвратительно трусливыми, чтобы сбыться.

Способ благополучного растворения каждого в коллективном мифе, ничем не оправданном и в оправданиях не нуждающемся. Этот миф сам оправдывает любой ритуал, сообщая ему пошловатый привкус невыносимой вечности, банальности, оскорбительной необходимости, орнаментального повтора.

"Террор - это разрушение дамб, каналов, больниц, электростанций, мостов", - пишет Баадер - "террор - это то, что делали США во Вьетнаме и Израиль на палестинских землях. Это мертвые секции, предназначенные для политических заключенных в немецких тюрьмах. Терроризм государств применяется ради всеобщего страха. Городская партизанская война наоборот, внушает животный страх всей государственной машине".

Мы ничего не начинаем, - объяснялись РАФ, - мы хотим положить конец.

Они знали важный секрет: создать новое - это значит просто собраться и действовать ради прекращения старого.

Stammheim

Из тюрьмы Баадера часто конвоировали в библиотеку, где он встречался с Ульрикой и вместе с ней "работал над книгой о проблемах трудных подростков". С заключенного сняли наручники, Ульрика спросила охранников, есть ли у них жены и дети, и явно расстроилась, услышав утвердительный ответ. В этот момент она сохранила им жизнь. Заключенный и журналистка сели за стол, закурили, стали рыться в картотеке. Две девушки ждали за дверью, когда освободится читальный зал. Они-то и впустили сюда клоуна с зеленым лицом и двумя пистолетами. Клоун стрелял с двух рук и ранил библиотекаря, один пистолет был газовый, второй - боевой. Две "читательницы" палили газом в лицо охране и, "выкрикивая оскорбления", уложили её на пол. Последней появилась Гудрун в рыжем парике и с карабином. Охрана стреляла с пола вслепую - пули попали в ящики картотеки. Баадер разбил окно и прыгнул вниз. За ним - Майнхоф и остальные. Скрылись на двух новеньких "Альфа-Ромео Спринт". Сразу после освобождения Баадер предложил обстрелять полицейскую казарму из гранатомета, но гранатомета под рукой не нашлось.

Кое-кто из них считал вооруженную борьбу самолечением.

Жертвоприношением, позволяющим пробраться с собственной периферии, поощряемой обществом, к запрещенному обществом центру самого себя. Другие называли герилью терапией для общества, разоблачением его преступлений. Справедливым отражением несправедливого насилия, питающего Систему. Элита веками воспитывает у угнетенных комплекс неполноценности, чтобы излечиться, нужно применить в отношении власти насилие.

Каждый боевик РАФ по-своему оправдывал мрачный энтузиазм своего выбора. Каждый из них по-своему любил бомбу.

Для одних мир начался с бомбы. Сначала Бог взорвал её, а потом возникли мы все, как осколки, летящие прочь от центра. Так что всякий бомбист просто повторяет акт творения. Можно рассуждать о преступности этого акта, но ничего нельзя с ним поделать.

Бомба - это амфора, в которой накапливается краденый свет. Мы получаем от солнца тысячи шансов каждый день, но крадем их у себя сами, прячем их в эти сосуды. И когда сосуды с краденым светом переполняются, они начинают взрываться везде.

Мы все создаем бомбу. Я, вы, все вместе делаем её. Партизан есть просто механик, который собирает её и приводит механизм в действие. Он - технический работник Истории, её обслуживающий персонал, но с одним исключением: История не нанимала его на работу и не обещала ему оплаты. История не является отчужденной от своих работников корпорацией воспроизводства рабочей силы, потребительской массы, электоральных толп. История - единственное, что нельзя отнять у людей и когда они это осознают, то сами записываются в её работники.

Всё, что происходит в мире, отныне происходит именно с тобой. С бомбой ты всё решаешь сам, как будто ты создал этот мир.

Взрыв бомбы - это место, в котором реальность разрывает иллюзию.

Взрыв бомбы - это возмутительное нарушение правил притяжения всего ко всему.

Взрыв - это громкое заявление Истории о том, что на этом месте стоило находиться чему-то совершенно иному и гораздо более достойному.

Взрыв - это способ позвать к себе самого себя.

Бомба вербует тех, кого смерть пугает меньше, чем отсутствие реальной жизни.

Бомбу можно сделать везде и из всего.

Взрыв бомбы - это художественный шедевр, который существует менее секунды, а потому предназначен не для людей.

Клауса Юншке первый раз задержали из-за неправильной фотографии в паспорте. Вместо себя вклеил фото председателя Мао, утверждая, что это его "истинное Я".

Второй раз сел пожизненно уже как партизан-RAFовец. Сейчас Юншке вспоминает о свинцовых днях: "Ты становишься городским партизаном, перекрасив волосы, живешь в незнакомой квартире под чужой фамилией, изучаешь план операции, готовишь себе и другим еду. На водосточной трубе, на почте, в банке - твое фото, тебя разыскивают, ты угроза для Системы. Вместе со своей подружкой ты следишь по ночам за полицейскими машинами с антеннами, в свою очередь выслеживающими тебя. Иногда появляется Ульрика, её не узнать из-за пепельного парика, платка, темных очков и джинсов в обтяжку. - Обожаю зиму, - говорит она. - Рано темнеет и даже днем ты почти не узнаваем".

- Если вы верите в Бога, значит вы избраны, и ваш взрыв санкционирован им в мировом спектакле. Если вы не верите в Бога, ваш взрыв тем более разрешен, его разрешили вы сами на основе своего опыта, - спорил боевик в камере со священником. Священник отвечал в том смысле, что зло существует, но горе тому, через кого пришло оно в мир сей.

"Внутри взрыва, за ничтожно малое для нас время, возникают разумные системы такой сложности, которые ни при каких условиях невозможны в привычной нам, длительной реальности. Бомба - это куколка, в которой они таятся. Возможно, мы существуем только затем, чтобы взрывать", - записывал в дневнике примкнувший к РАФ физик. Его товарищи критиковали такое понимание. Посмертно дневник был опубликован в журнале "Бесплатный мир".

Другой активист был исключен из РАФ за то, что использовал для пропаганды "реакционный" немецкий миф о Зигфриде: претендующий на трон кузнец - пролетариат, дракон - буржуазное государство, кровь дракона на губах и коже кузнеца - опыт вооруженного сопротивления, Нибелунги с их проклятиями - фашистское (или феодальное) прошлое, которое всего лишь замаскировано, но не изжито, сокровища Нибелунгов - собственность, требующая экспроприации.

Особенно такая расшифровка не нравилась Гудрун, ведь её имя совпадало с Кримхильдой.

На пожелтевшей обложке сборника их заявлений, подаренного мне немецким телережиссером, империалистический орёл с герба Федеративной Республики перечеркнут эмблемой РАФ - пятиконечной звездой с коротким автоматом внутри. Телережиссер всю жизнь скрывает своё членство в нигде не зарегистрированной немецкой коммунистической партии. Но скрыть, что ты отсидел в 70-ых за "укрывательство и недоносительство" от работодателя нельзя.

После нескольких месяцев их войны у товарищей из РАФ были автомобили с дублированными номерами, печати полицейских и станки для печатания любых паспортов. Чаще, впрочем, выручала не техника, а находчивость, отличающая людей, излеченных от гипноза Системы.

"Кто из вас оправданный Томми Вайсбекер?" - спросили двух боевиков сразу после суда. Осужденный Генрих фон Раух улыбнулся шире, жандармы это превратно поняли и немедленно его отпустили. Через час оставшийся за решеткой Томми напомнил, что вообще-то суд оправдал сегодня его. РАФ считали Систему идиотской машиной эксплуатации, не различающей отдельных людей, и не ошиблись. Правосудие - это театральная сторона эксплуатации.

Они казнили медиамагнатов и многих других, с удовольствием передразнивая бюрократические рассуждения о неотвратимой справедливости, уполномоченной народом. Бомбами против семей законников РАФ отвечали на карцерные пытки своих товарищей. Фриц Тойфель ввел в обычай блевать на стол дознавателя, когда вам задают вопросы. Свой приговор в суде он слушал, встав на голову, иначе ему было непонятно обвинение.

К Иордану, чтобы стать там другими. Воодушевленные первым успехом, тридцать наиболее надежных герильерос отправились повышать мастерство в Палестину по приглашению Абу Хассана, тогдашнего лидера арабских повстанцев.

В Бейруте их задержали прямо в аэропорту, т.к. вместо документов у большинства оказались неправдоподобные самодельные бумажки, но гостеприимные боевики Абу Хассана взяли аэропорт штурмом и увезли всех к себе на иорданскую базу. В горах, напялив камуфляж, береты и палестинские платки, покрасив черным, "под арабов", волосы и брови, RAF месяцами тренировались в стрельбе из всех видов оружия. Модник Баадер был единственным, кто отказался от зеленой формы и так и ползал по камням в замшевых брюках, отчего к концу обучения выглядел настоящим панком, хотя панков тогда еще не было. Майнхоф чуть не угробила товарищей, неумело обращаясь с "лимонкой". В этой дикой местности девушки тосковали по привычной кока-коле и сэндвичам, их беспокоил ночной вой собак. В остальном всё двигалось по плану: марш-броски, семинары "Ограбление банка", "Уход от преследования", "Побег из тюрьмы". Жили коммуной в одном доме. Из личных вещей только одежда в тумбочке и автомат - у каждого над кроватью. Потом палестинцы мягко попросили немецких друзей вернуться домой: во-первых, не умеют экономить патроны, во-вторых, "развращают наших детей" - RAFовцы устроили на крыше нудистский пляж, а в лагере тренировалось немало местных подростков, будущих "живых бомб". Им такое зрелище не полагалось.

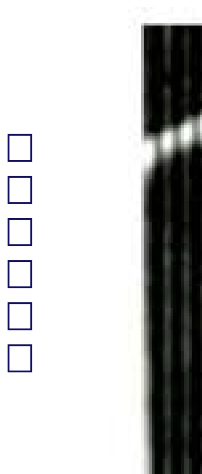
У них был стойкий иммунитет к прессе и вообще иммунитет к популярным иллюзиям - черта, которая сближает "террористов" с самыми главными специалистами по "наведению порядка". Хорст Герольд, верховный комиссар по их искоренению, сказал уже после смерти

Verzicht ist Verrat

плакат ОТКАЗ - ЭТО ИЗМЕНА

снизу по ч.стрелке: схема расположения камер; мертвые Энсслин и Баадер; листовка РАФ; заложник РАФ – председатель объединения германских промышленников Ганс-Мартин Шлейер (эсэсовский номер 227014); кадр из фильма Фассбиндера – эпизод с налетом на тюремную библиотеку.

Баадера: "он был единственным, кто полностью понимал меня, а я единственным, кто понимал его". Эта взаимная ясность не исключала войны. Наоборот, делала войну неизбежной.

Десятки ограблений банков и политических похищений. Сотни угнанных машин и захваченных самолетов. Свыше тысячи бомб за двадцать лет. Мишени - военные базы и натовские казармы, престижные офисы, буржуазные редакции. Самые известные из убитых ими - несколько американских генералов, командовавших натовским контингентом в Европе, директора "Сименс" и "Дойче Банка", высокие полицейские чины, бизнесмены и промышленники. Последнего приговоренного, приватизатора восточных земель в уже объединенной Германии, Ровендера разорвало ракетой в 93-ем. Официально RAF сложили оружие в том же году, сравняв с землей пустое здание новенькой тюрьмы Кнаст-Нойбау, подчеркнув так свою "освободительную" миссию: начинали, мол, тоже с освобождения товарища из тюрьмы.

Каждое новое поколение бралось из всё той же вечной тусовки: книжная болтовня, артистическое хулиганство, легкие наркотики, оппозиционное пижонство. РАФ относились к "левой сцене" с иронией, но понимая: и глубокие теоретики, и распространители уже готовых идей, и те, кто непосредственно участвует в войне - все берутся оттуда, из людей начитанных и неряшливых, талантливых и ленивых. К ним переходили те, кто переставал сомневаться. Переставал не потому, что вдруг во все поверил, а потому что сомневаться просто надоело. Сомнения отравляют всё, что ты делаешь.
Перевести вам ещё с немецкого? "Наши сомнения - призраки удушенных революций".

Популярные психологи вычисляли в своих книжках "RAFообразующий тип": гуманитарные девочки с завышенными претензиями и дикие мальчики с комплексом кинозвезд, плюс юристы, уставшие от крысиной возни в бумагах. Телепроповедники осмотрительности вторили им: склонные к пижонству мальчики, воспитанные без отцов, и начитанные девочки с глубоким комплексом несостоявшихся монахинь и миссионерок идеально дополняют друг друга в нелегальной группе, для которой любимым способом общения с миром становится насилие.

Влиятельная журналистка Ульрика Майнхоф не так уж долго думала, прежде чем перейти от слов к пулям. Была в её журнале "Конкрет" такая рубрика - "Журналист меняет профессию".
Покончив с легальной жизнью, Майнхоф просила арабских товарищей поместить её детей в палестинский лагерь для беженцев. Такая среда представлялась ей во много раз прогрессивнее, чем обычная немецкая буржуазная семья. В итоге её близнецы оказались в коммуне сицилийских анархистов, живущих рядом с Этной. Каждый день после утренней медитации они могли наблюдать вулкан, в кратер которого кинулся древний философ Эмпедокл, любимый герой Гельдерлина. Фридрих Гельдерлин, один из главных голосов немецкого романтизма и натурфилософии, был прямым предком Майнхоф, а значит и её дочерей. Написав всё, что хотел, он бросился в кратер безумия и отказался от всех привычных связей с людьми. Его другом со студенческих лет был Гегель, прямой предок Гудрун Энслин, с которой Майнхоф создала "базовую вооруженную группу". Одно время в университете Гегель и Гельдерлин даже жили в одной комнате. Из этого получился бы успешный постмодернистский роман, если бы симпатия к "вооруженным группам" всю жизнь не отвлекала меня от успеха такого рода.

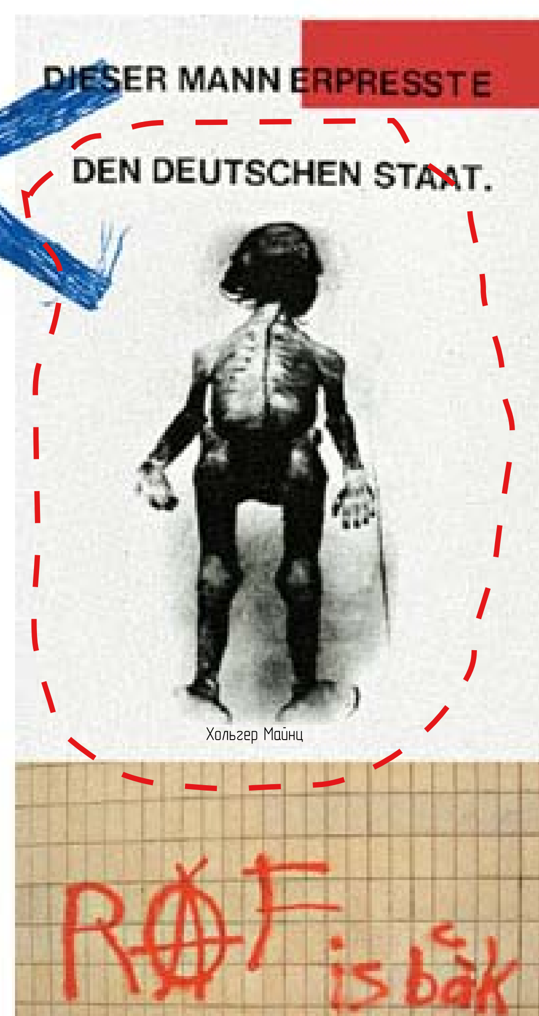
На похороны Майнхоф пришли четыре тысячи студентов, одевших в знак солидарности черные маски. Они несли траурную ленту с эмблемой RAF и словами "Товарищ Ульрика, революция отомстит за тебя!".
В студенческие годы товарищ Ульрика состояла в "Братстве святого Михаила". Позже возглавила "Комитет против ядерной смерти" и, выйдя замуж за известного публициста Клауса Реля, родила ему двойняшек. В их доме паслись шумные экологи и пацифисты. Примкнула к подполью, когда ей было едва за тридцать.

"Перестать стрелять - значит предать себя и снова стать животным", - фраза из дневника "красноармейца", застреленного при задержании. Он начинал с раздачи всем желающим бесплатных проездных, которые готовил дома на самодельной технике.

Венсеремос! Делай золото из своей ненависти. Кто знает, чья фамилия пропишется завтра в истории сопротивления? Не твоя, дорогой читатель? Ты уверен, что не твоя? Видишь мой указательный палец? Указательный палец! Он торчит из этой книжки прямо тебе в лицо. Читай дальше, читатель, надеюсь, ты сумеешь, как Хольгер Майнц и другие немецкие режиссеры, делать это слово, "стрелять" и "снимать" одновременно, кто только не шутил насчёт такой путаницы, вечно забывая английский, значит не всё ещё потеряно, не всё ещё со мной ясно. Читатель, прижми ладонь к грудной клетке или поймай пальцем пульс.

Слышишь, как танцует кровь? Это уже тикает бомба, которую ты ещё не собрал. Зря ты думал, что это молитва. Это динамит. Работает часовой механизм. Напрасно ты считал эти звуки песней про любовь. Какой ты поставишь час? Нужно светиться от ненависти. РАФ. Запомни три красные буквы. Без них ты слабее. Какого ты родился числа?

Алексей Цветков

Хольгер Майнц

РАФ просуществовала 30 лет, сменив 5 поколений бойцов. Большая часть пятого поколения до сих пор не известна властям по именам, а меньшая, известная, не вышла (несмотря на роспуск РАФ) из подполья.

плакат из альбома design anarchy журнала adbusters <www.adbusters.org>

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЛЮБОВЬ НА!!!ЕГО К КРАСИВЫМ КАРТИНКАМ ВОЗОБЛАДАЛА НАД НЕНАВИСТЬЮ К ЗАЩИТНИКАМ ПТИЧЕК, РЫБОК, ЧЕРВЯЧКОВ, ГОЛОДНЫХ ДЕТЕЙ И ПРОЧИХ НЕДОБИТКОВ.

Экологический плакат. "4-й БЛОК"-2006. Попрощайтесь со своими любимцами.

фото:катя савченко,харьков

о погоде

Gonzo

Я хочу написать о тебе, а точнее о том, как тебя обступила усталость, и ты взял билет до Афин, оставив телефон дома. На всякий случай, уже в самолете ты становишься ироничным, т.е. улыбаешься, когда минеральная вода наливается стюардессой из бутылок "Ключи от рая!". Ирония - это что-то вроде внутренней страховки от неприятностей.

Увидев пальмы, цветущие желтой кашей, и

АФИНЫ
апельсины

ласточек, снующих в лесу колонн, ты принимаешь ещё одно решение - стать туристом, т.е. радоваться дикому хлебу, которым зарос Акрополь, и макам греческой Агоры, где стояли стоики, и текла во имя Зевса коровья кровь. Лазить по скользкому Пниксу (дословно "давка", в приличном переводе - "народное собрание"), к которому прибита бронзовая проповедь Павла, и греться вечерами на улицах у газовых горелок кафе. Покупать сувлаки у деда, ларёк которого оклеен мутными газетными фото: тот же дед учит кинозвезд правильно срезать мясо. Ты не знаешь, фотошоп это, или старик и вправду такой харизматик, но в любом случае считаешь его самопальную светскую хронику трогательной и достойной запоминания.

Город - апельсиновый рай для специалистов по древней Греции. Ты пытаешься хотя бы отчасти разделить их радость, рассматривая головастиков в канаве древней дельфийской дороги. На тебя, так же иронично, как ты на них, взирают из витрин, почти подмигивают, эрегированные порнофлаконы для духов и златорогие быки, мраморные дети тянутся за птичками и погремушками или спят, обнявшись со щенками, у ног взрослых обезглавленных статуй. Запоминаешь, что греки любили наливать вино из глиняной ноги, и глоток тогда назывался "шаг". Наверное, все эти "подлинники" придумывают продавцы сувениров, чтобы делать свой бизнес, и даже "древнюю" тетрадрахму уподобили один в один афинской одноевровой монете - допускаешь ты, сравнивая магазинный и музейный ассортимент. Они просто помещают по ночам в музеи лидеров своих продаж, и это называется "подлинник". Из таких мыслей, по твоему мнению, и состоит "постмодернизм".

Лев положит лапы - длинные голодные пальцы - на плечи отгулявшему жизнь греку, и начнётся красный танец - пир с живым угощением. А потом придут четыре черных плакальщицы убрать со стола. Так тебе видится.

Выдался как раз день бесплатных музеев. Судя по их вещам, всех этих микенцев занимали охота и война, ну или секс, раз нету пока ни войны, ни охоты. Фрески собраны по кусочкам, но в каждом пазле додумано смельчаками больше, чем найдено. На почетном месте черепки с выцарапанными именами лидеров, претендовавших на власть. Их, наоборот, слишком много, чтобы составить глазами из именитой глины хоть что-нибудь целое. Рассыпается. В бронзовых залах ты находишь сложенные рядом черно-зеленые: локтевой сгиб, стопу в сандалии, половину шлема и несколько темных металлических сгустков, могущих быть чем угодно, например, внутренними органами статуи. Слишком мало, чтобы собрать хоть чей-нибудь образ, и это прекрасно. Именно так, - пытаешься ты извлечь пользу из бесплатного музея, - будет выглядеть логотип холдинга, над которым сейчас работаешь. Настоящий шедевр никак и ни во что не складывается из-за фатальной нехватки подробностей.

После музея стало нравиться всё бесплатное. В Москве как-то совсем о нём забыл, оставил убогим. Ты решаешь ехать в порт, к морю, желая продлить бесплатное воскресенье. В трамвае никто не проверяет билетов. В Пирей, где должны быть очень большие корабли, но, увидав паруса, выходишь ошибочно на станции, названье которой опять же ошибочно перевел как "Новый Космос". Через пару дней объяснили, что это святой Козьма, но ничего назад взять уже было нельзя. В море по мокрой мраморной крошке никто не входил - холодно, ветер. Рядом возвышались ангары старого аэропорта.

"Ты строишь планы, мы делаем историю!" - издали прочитал намалеванное под промышленной крышей и пошел туда, во-первых, чтобы возразить, никаких планов ты уже второй день не строил, а во-вторых, потому что хотел посмотреть, кто и как делает историю на таком ветру, в гигантских бетонных сотах, где когда-то стояли трапы и хранилось полетное топливо.

В густеющих сумерках между ангарами группки молодежи грелись танцем и легким алкоголем под живой рэп, рок и фолк. Вид у них был вполне концертный. Обойдя все площадки, ты вспомнил пионерский лагерь - точнее, тамошнее детское счастье: можно выпить, на небе звезды, и рядом нет родителей. У входа внутрь выселенного аэропорта всех встречали шелковые портреты Бакунина, Мао, Сталина, Хо Ши Мина, Ленина, Маркса и очень хрупкого инкогнито, похожего на Дэвида Боуи, под которым портретисты забыли написать имя и годы.

Но больше тебе понравились трафареты внутри. Холсты с пустой, т.е. оставленной для желающих головой-овалом, как в старину на курортах (штангисты, джигиты, барышни), только здесь можно было запечатлеться в компании моджахедов из Аль-Каеды, рыжих католиков из ИРА, смуглых маоистских повстанцев и тому подобных тигров освобождения.

Мексиканцы сбывали целебные луковицы и постеры - индианка с двумя большими пистолетами в руках. Ты сразу вспомнил похожую порносцену из шведского фильма про Панчо Вилья, хотя считаешь такие ассоциации слишком подростковыми для себя. Но тут всё казалось подростковым.

- Вы из русской делегации? - спросили две приветливые девушки и, расценив как русское "да" неопределенную гримасу, тут же выдали листовку-анонс завтрашней демонстрации. Посоветовали идти в соседний ангар, везде говорить "солидарити фаунд" и не забыть про семинар по Непалу. Так ты и поступал. За слова "солидарити фаунд" выручил два сэндвича (бесплатное продолжалось) и, послушно жуя их, разглядывал граффити: минотавр империализма, гоняющий по лабиринту какую-то мелочь с непонятной символикой.

Кое-что из настенностей ты уже видел сегодня, пока пил в Эксархии, у бесплатного музея, кофе со льдом: "Не трожь Иран!". Видимо, одно слово раз в год закрашивают, мысленно пошутил ты, раньше был наверняка "Ирак", а до этого "Афганистан". Там же повторялась трафаретная голозадая девушка в писающей позе, ты усмотрел в ней нечто феминистское. Но больше нравились подписанные "art is dead" милые фрески по всему городу. Пожалел, что оставил мобильник дома, им можно было бы снять рыбину, жующую парусник или хитреца Пьеро, полностью спрятавшегося в свой безразмерный воротник.

На семинаре по Непалу, как в детстве, крутили диафильм: народная война свергает индуистскую монархию / красный флаг реет над Гималаями / главный партизан товарищ Прачанда и его автомат / французский бородач с лозунгом "Один, два, много Непалов!". Ты думал, что в этой стране есть только Эверест, обезьяны и Гребенщиков.

Соотечественника встретил уже на выходе, он торговал советскими значками и предложил взять тебя в долю, если ты будешь подменять его через день. Значков у него был целый рулон, точнее, знамя какого-то завода, покрытое ими, как чешуей. Но ты сказал, что сегодня улетаешь.

Назавтра ты продолжил гулять, отмечая, как в Афинах всё по-дачному: сараи в самых древних местах, античное кладбище охраняют собаки в будках, археологи роются прямо на чьем-то огороде, и всюду снуют не признающие никаких правил мотоциклы, на которых ездит, кажется, полгорода. Пачки утренних газет под оливами придавлены кусками искрящегося мрамора. Заветренные греки обнимаются со своими давно не мытыми собаченциями и чуть ли не изо рта в рот делятся с ними любой едой.

Постепенно ты обнаружил, что всё-таки пришел туда, куда звала вчерашняя левацкая бумажка. Сначала услышал испанскую песню про команданте Че и пошел на звук, надеясь на аргентинский карнавал или кубинскую рекламную компанию. Ближе пели советские песни на разных языках. А ещё ближе по-русски кричали "Нет спасенья для страны, кроме классовой войны!" какие-то на вид вполне безобидные студенты-халявщики в красных майках, видимо, та самая русская делегация, к которой тебя вчера опрометчиво причислили. Как ты попал? Идея бесплатности по-прежнему притягивала, ведь за демонстрацию тоже никому не нужно платить.

Вероятность, что ты ввяжешься в уличный бой, ничтожна, поэтому

дальше пару абзацев я лучше буду писать от первого лица. Всё равно мой опыт не умещается в границы рассказа, требующего от автора дистанции и пассивности.

Триста человек из "блэк блока" начинают по заранее согласованному плану анонсированную классовую войну. Пылает коктейль Молотова. Здание "Сити банка" тонет в жирном дыму. Полиция отвечает шумовыми гранатами и газом. Большинство демонстрантов морально поддерживают поджигателей, но в файтинге не участвуют. Радикальное меньшинство притягивается к файтингу воем сирен, как магнитом. Над головой в полицейскую сторону проносятся десятки бутылок, камней и других предметов, отчего голова сама вжимается в плечи - обидно, если снесут полчерепа свои же. Я не полицейский и потому не ношу шлема. Потом этот рефлекс смешно сохраняется ещё пару часов - неадекватно реагирую на птиц, спасая голову. Спецназ в зеленом, полиция в синем, и ещё незнамо кто в черном - их всех загоняют на ступени или за киоски. Оттуда они отвечают, как их учили. Газ оставляет большие белые кляксы на асфальте, видимость метров тридцать, но её хватает, чтобы понять - напротив пылает синий ментовской фургон с окнами-решетками, и догадаться по звуку - ближайший Макдональдс лишается всех своих стекол. В другом фургоне панически лают запертые собаки. Животных жаль, если и его сожгут. Саундтрек: грохот "психологических" гранат плюс истерика сирен и рёв сотен глоток: "фак ю полис!". Щедрый полуголый анархист в мокрой маске долбит куском бетона о бордюр, вооружая всех желающих удобными осколками. Я беру свою часть, говорю "эвхаристо", хотя не знаю, грек ли он, и, максимально размахнувшись, отправляю туда, сквозь клубящуюся газовую стену. Так поступают все, кто здесь остался. Я повторяю за ними многое из того, за что потом надолго могут запретить ездить в Евросоюз. Это очень важный момент перехода из объектного в субъектное состояние. Никто не видит, поражены ли мишени. Контратака: сине-черно-зеленая армия в противогазах, ритмично ударяя дубинками в щиты, зло бежит на нас, перепрыгивая через лужи огня, загоняя стритфайтеров в парк. Чихающая толпа, продолжая бросаться чем бог послал и сеять огонь, прячется за деревьями, а с другой стороны парка, на улице Эрму (афинская "Тверская") уже начались "бессмысленные погромы" всемирно известных витрин. За ближайший час улица лишится их почти всех. Потом запылает "Хилтон". Чем вызвано чувство брутального счастья, охватившее всех нас здесь? - спрашиваю я себя. Очевидно тем, что в пределах нашей видимости нет ни одного нейтрального человека, никого, кто не участвовал бы в войне на одной из двух сторон. Абстрактный конфликт людей и власти неприлично конкретизирован. Довольно редкая ситуация для современного человека. Нет никакого смягчающего удары спектакля. Нет ни одного умника с "более сложной" позицией, только мудаки с дубинками и долбоёбы с камнями. Это непередаваемо круто.

Левые везде таскают с собой детей: на собрания, воркшопы, концерты и даже сюда, на демонстрацию. Троих малышей срочно просовывают сквозь ограду в парк. Они плачут. Потеряли родителей. Газ обжег им глаза. У меня дома есть такой же малыш. Я не хочу, чтобы так было. Но мораль бессмысленна там, где начинается война против капитала и государства, даже если интифада длится всего пару часов. Этот маятник шатается во мне, пока я бегу к метро Синтагма, пытаясь вытрясти невидимые иглы из носа и глаз. Мои слёзы только от газа. Только от газа! Завтра я пойму, что обожженный глаз серьезно опух, мало что видит и требует врача.

У тебя взгляд перепуганного мышонка и майка, натянутая на нос. Так удобнее дышать. Я пробегаю мимо тебя, так и не узнав, что мы из одной страны, и ты снова берешь мой рассказ в свои руки.

Наблюдая, как шумно тушат пеной "Сити банк", испытываешь нечто вроде сочувствия к поджигателям. Этот банк сделал вид, что заплатил тебе дважды, вместо одного раза, который ты помнил. Свидетелем в споре был банкомат, цифры которого не совпали с твоими. Пытаясь жаловаться или хотя бы сетовать, ты нашел в Интернете целый форум таких же бедолаг, кинутых банком. Самые смелые из них предлагали всем брать у обманщика кредиты, и не отдавать потом, мотивируя возмещением ущерба.

Впрочем, ты всегда относил себя к интеллектуалам, т.е. тебе понятно, что этот огонь и дым не имеют никакого отношения к твоим проблемам с банкоматом. У большинства нападавших, ты уверен, вообще никогда не было никаких карточек. И к художникам ты себя всегда мысленно относил: сейчас подъезд банка как обожженная табличка из вчерашнего музея. Что на ней было? Финикийский учет коз и рыб, принятых в ненасытные храмы Библа.

Ты уходишь подальше от лающего фургона, представляя, как там сейчас весело внутри. Лужи огня под ногами полицейских становятся туристическим воспоминанием. Вооруженные клоуны у парламента с потешными помпонами на ботинках ни в чем не участвуют. Их самих охраняет несколько синих шеренг. И тебя охватывает мерзковатое чувство оттого, что ты собирался сегодня взглянуть именно на них.

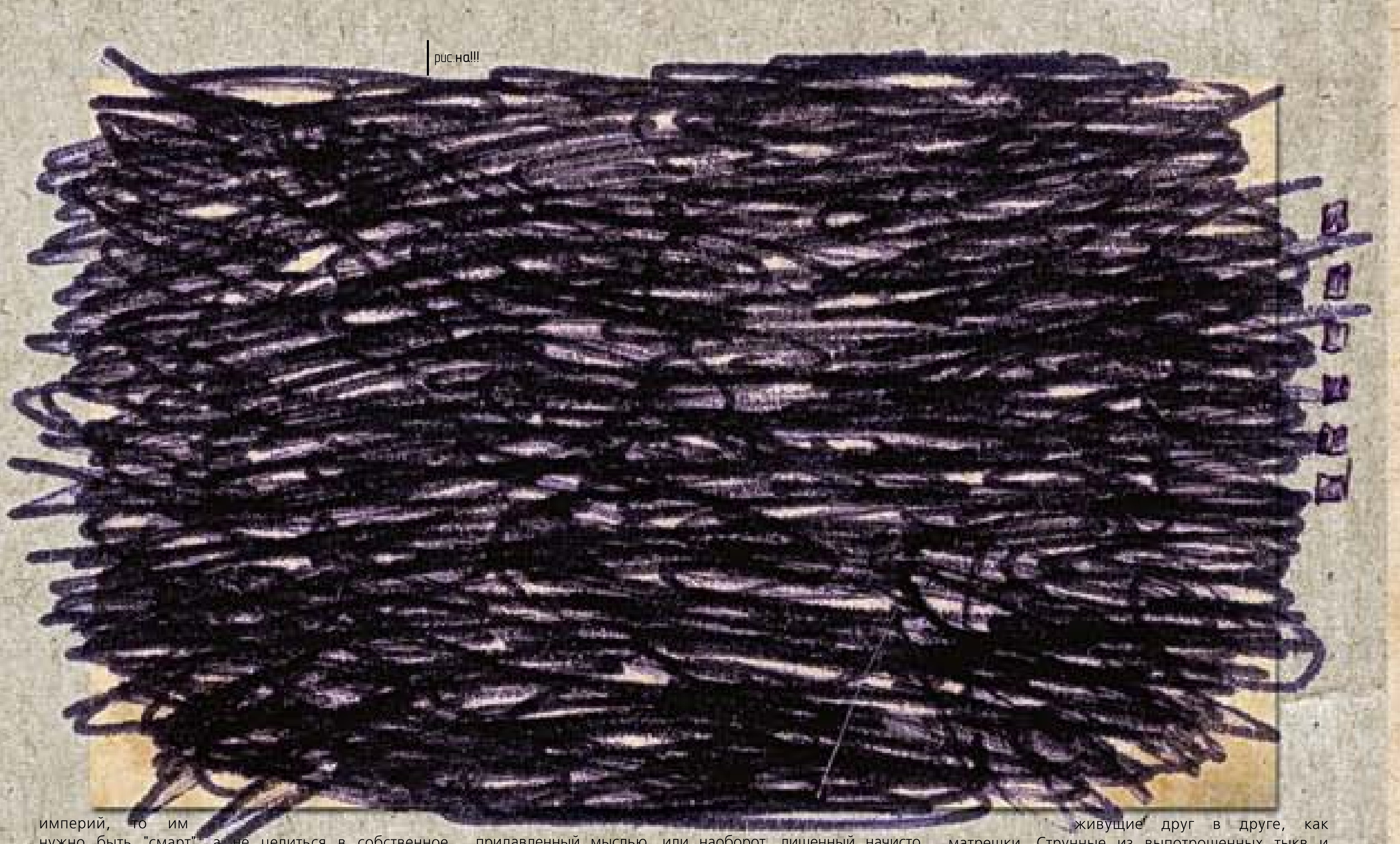
От дыма, газа и песен ты прячешься в Национальном саду. Успокаивают руины зевсова храма. Тянешься за бесплатным апельсином, хотя и опасаешься тяжелых металлов. Просто приятно сорвать эту несъедобную декорацию. Впервые к тебе сегодня обращаются по-гречески. Двое оливковых спецназовцев в беретах, вышедших из-за чайных кустов. Их интересуют твои документы. Слава богу, они знают английский.
Довольно бестактный обыск. Из твоих карманов летят на лавку билеты, ключи, русские деньги, кошелек отдельно от всех твоих карточек и пропусков - готовая музейная витрина, как те бронзовые фрагменты, что померещились вчера стильным логотипом холдинга. Может быть экспонатами свои вещи кажутся потому, что в кадр, кроме них, разложенных на лавке под апельсинами, попадает ещё и римская арка с надписью: "Древние Афины - город Тесея". К личным вещам добавляется совсем забытый тобой в куртке значок - солидарити фаунд, будь он неладен! - с греческим лозунгом, перевода которого ты не знаешь.
Много раз ты отвечаешь на их короткие вопросы. Ты не был на только что разогнанном марше. Ты никогда не ездил в старый аэропорт и впервые слышишь о святом Козьме. Ты живешь здесь в отеле неподалеку, на улице Адриану. Ты не видел никаких разрушителей в масках. Ты потянулся за растущим апельсином просто потому, что такого нет в твоей северной стране. Ты взял эту листовку с анонсом не помнишь где, потому что их раздавали бесплатно, а эти буквы и эмблема в углу, от которых лица спецназовцев так посерьезнели, тебе неизвестны, ты вообще только сейчас их заметил. Телефона у тебя нет, ты не можешь объяснить почему. Глупо говорить им, что ты хотел немного удивить свою подругу и потому выключил его и оставил в вашей совместно снимаемой квартире. Простой способ сообщить любопытному читателю подробности твоей личной жизни.

Долго и по слогам они уточняют и записывают твоё отчество, адрес, время отъезда, место работы. Простой способ наконец дать читателю твои анкетные данные. От спецназовцев ты узнаешь, что "трапеза" это банк, а "эйфория" - налоговая декларация, но временно тебе не смешно. Угрюмо вспоминаешь, когда в последний раз обманывал представителей органов. Чувство, что это происходит в чужой стране, немного ослабляет вину. Ты ни при чем, но ты уже обманщик. Теоретически ты мог попасть в их вчерашнее или сегодняшнее видео, если они снимали в ангарах или у горящего "Хилтона". Это видео - простой приём сообщения читателю твоих внешних черт. Ни к селу ты вспоминаешь вчерашний трафарет, делающий любого террористом на одну сфотографированную секунду.
Досмотр заканчивается пристрастным ощупыванием и охлопыванием тебя всего. Что такое полиция? Полиция и армия? - риторически вопрошал всех вчера в ангаре агитатор, видимо, из сегодняшних метателей камней и огня. - Полиция и армия это компания суицидально ориентированных латентных гомосексуалистов, причем их суицидальность, называемая "героизмом", связана именно с их латентностью, то есть с закрытостью их желаний от них самих.
Поднимаешь голову. Бесплатного апельсина, за которым ты тянулся, нет. "Видишь эту пальму?" - спрашивал учитель в фильме (название ты забыл) - "её нет!" - и после нажимал на лбу адепта невидимую кнопку. Ты трогаешь у себя ту же точку и оставляешь подстрекательский значок на лавке.
Вечером - в отеле бесплатный Интернет - показывают местного священника, осуждающего погромщиков на фоне выпотрошенных витрин.
Ты был в его храме, туда бесплатно. Стены сложены из абы как перевернутых пиратов, превращенных Дионисом в дельфинов. Внутри рука святого под стеклом. Два пальца с той же руки хранятся в России, но и здесь они есть, значит, у святого их было как минимум семь. Или чудо состоит в том, что одни и те же пальцы могут оставлять отпечатки сразу в нескольких местах? Твоя ирония возвращается, но пока в грубоватом виде.
"Что касается сжатого белого кулака, столь часто повторяемого на плакатах левых, он тоже нашелся среди экспонатов, стоит за стеклом, выкопан в Акрополе, кому принадлежал, неизвестно", - шутит журналистка в одном из первых репортажей о беспорядках.

Закрыв глаза в своем номере, ты решаешь, как следует относиться.
Один конфликт, как преподавали тебе не так давно в университете, двигает историю: военно-мистические машины империй против торгово-художественных машин городов. Примеры: Троя/Рим против греков, Египет против евреев, короли и папы против всякой Ганзеи, Венеции и Амстердама, абсолютизм против буржуазности, советизм против западной демократии... Профессора намекали, что место советизма скоро займет ислам. Ты пытаешься ответить, на чьей стороне выступают сегодняшние поджигатели? Если они продолжают дело свободных городов, а не

рис на!!!

империй, то им нужно быть "смарт", а не целиться в собственное отражение в витринах. Быть "смарт" сегодня означает отменить копирайт, добиваться прозрачности любой информации, покончить с фиксированным рабочим днем и поощрять новейшие технологии.

Началось, впрочем, не с аграрных империй и портовых городов, а раньше, с двух враждовавших видов человекообразных обезьян. Оседлые пращуры будущих земледельцев, Каины, мололи тростник гигантскими челюстями, а их антиподы, Авели, номады и мясоеды, отгоняли камнями львов от недоеденных туш и дробили каменным рубилом кость в поисках съедобного мозга. Ты чувствуешь в себе нераздельную смесь обеих кровей. Объев светящихся термитов с палочки, рыжая обезьяна говорит на плохом английском, что тебе пора представить себе осла. Или нет, что тебя пора представить ослу! Ты спишь.

В моём рассказе про тебя будет раскрываться одна ночная тайна. Каждый, кто спит в Афинах, видит осла. Осёл прислонился к стене. Он двуног, человекоподобен, на нём темный европейский костюм, а от осла только голова. Сон длится долго, но он не фото: карман костюма шевелим порой ветром, ухо осла иногда касается, иногда отстает от стены. Осел прислонился человечьим плечом и замер, как манекен, поставленный сюда до утра. Но по всему видно - жив; пушистая морда, ничего не желающие глаза мудро полуприкрыты, словно осёл задумался, а стоять прямо устал. Как будто бы приказал ему замереть какой-нибудь ослиный Гурджиев. Тебя самого в этом сне нет, а есть только твоё зрение и осел у стены, его руки в карманах брюк, не увидишь, что там у него, пальцы или копыта? Он стоит, воплощая собой не вечность, конечно, но очень большую продолжительность времени. Как ожившая грубая карикатура на глупца. Как персона с карнавала, в котором, надев чужую, животную голову, больше её не снимешь и забудешь, кем ты был до этого праздника. Как участник мессы черных колунов. Живой ослочеловек стоит, будто придавленный мыслью, или наоборот, лишенный начисто любых идей. И чем дольше ты смотришь, тем меньще понимаешь: трезвый ли он, умён ли и счастлив ли, к какому относится сословию и полу, и как попал сюда, к тебе в сон? Тебя заполняет уверенность, что он может быть кем угодно. А "кто угодно" в этом сне это не пустое место, не вакантный трафарет, а вполне конкретное и очень важное лицо.

В Афинах осёл обязательно снится всем. И с той же обязательностью афинского осла положено забывать, а ты не забыл, потому что ты герой моего рассказа и, значит, в бесконечное число раз свободнее любого из читателей, особенно, если учесть, что рассказ так и не написан.

"Осёл - это моська апокалипсиса", - записываешь ты наощупь в темноте прямо на простыни, а утром думаешь: "моська апокалипсиса" такая же несъедобица, как и "минотавр империализма". По мнению твоего нынешнего врача, проблемы у тебя начались именно с этой фразы. Дальше простынь туриста, начатая с "моськи", не читаема. Гнутые крутящиеся строки, кусающие друг друга за хвост. Ткань заполнена дикими знаками, похожими иногда на греческие буквы. С этой аграфии перешла в активную фазу твоя никому до этого не известная шизофрения. Ничего за деньги с этого дня ты больше не мог приобрести.

В оливковой тени на улице Диогена живет на лавке под пледом бородатый и лысый бомж, умело изображающий самого Диогена. Он указал тебе нужную калитку напротив башни ветров. Там хранились смычки раздутых скрипок, увешанные бубенцами, бычьи пузыри с воткнутыми в них дудками, колокола, живущие друг в друге, как матрешки. Струнные из выпотрошенных тыкв и черепах. Первым так обошелся с черепахой, помнится, здешний бог, и это вошло в пословицу. Черепаха, размером с самый крупный, переспевший инструмент, живёт здесь же, во дворе, обычно спит под пальмой и ничего не опасается. Настолько уверена, что она уже экспонат, а не будущий экспонат, что если постучаться ей в панцирь, она не прячет, а высовывает голову. "Череп черепахи!" - хохочешь ты, и прикладывая палец к её лысой пепельной голове, шепчешь: "Видишь меня? Меня нет!". "Череп черепахи", - эти два слова начинают соответствовать твоему новому представлению о смешном.

В гостях у черепахи ты весь день слушал бесплатную ребетику в наушниках. Оглушенный мандолинами одиночка в темном музейном зале не знал об эвакуации. Подтанцовывал ногами и не уловил, как пляшет пол. Не снимал наушников и не видел, как горшки выпрыгивали в окна, а мраморная черепица лавиной съезжала с башни ветров. А когда вышел, заметил, что руин вокруг раз в сто прибавилось. Сейчас ты считаешь землетрясения и войны подарками турфирм. Почему ты был счастлив? Просто потому, что ничего за этот подарок не платил и знал про руины: никто ещё их не видел, и они никем пока не описаны.

рис.banksy

Алексей Цветков

The Girl.

by Masha Krasnova-Shabaeva

1. Her name is Katya
She is twenty years

2. She thinks she's fat

3. She wants to be like Britney Spears

4. Katya's parents want her to be economist

5. She hates her boyfriend

6. She loves her cat Vasya very much

7. She's afraid of darkness

8. She thinks she's lonely
She cries when nobody can see her

9. She's happy when she's drunk

рисунок:маша краснова-шабаева<<mashinka00@mail.ru>>
впервые опубликовано в panic button
<www.panicbutton.info>

(отрывок из повести)

Нас не догонят!
"Тату"

Война - это знаки.
Маннергейм

Павел Пепперштейн

ПЕНТАГОН

Веселый поезд мчался к югу. Компания молодых людей - две девочки и два мальчика - заняли купе в середине одного из вагонов. Все еле-еле успели на поезд, прискакав на Курский вокзал из разных уголков Москвы со своими наспех собранными рюкзачками. Поезд отошел в восемь часов утра, исчез за окнами утренний летний вокзал с его особым запахом и особым возбуждением, кое-кто из компании еще не вполне проснулся и вовсе не мог согнать с ресниц утренние сновидения, а другие, напротив, и не ложились спать минувшей ночью и теперь подумывали о том, как бы релакснуться на полках под гипнотический стук вагонных колес. Но пока что никто не спал, все сидели вместе и болтали, то и дело посылая sms тем, кто остался в Москве, типа: USPELA NA POEZD JEDU :) SOSTOJANIE NEREALNOE. И действительно, состояние у всех было удивительное, приподнято-вытаращенное, как бывает в

В оформлении использованы иллюстрации Ивана Разумова и Павла Пепперштейна

слишком ранние часы, когда в прохладе утра совершается нечто необычное, возможно судьбоносное. Но постепенно всеми овладела радость: путешествие началось, и все подтверждало это - и классический русский поезд с его качкой и стуком, и церковь с черными куполами, мелькнувшая за окном купе, и толстая хмурая проводница в белой рубашке, которая принесла постельное белье в пакетах и чай в подстаканниках. Сколько ни езди в русских поездах, с самого раннего детства и до самой смерти, все восхищаешься до какого-то тайного душевного оргазма этими подстаканниками: и, конечно, все стали сравнивать свои подстаканники - кому достался с космической символикой, с маленьким литым земным шаром, на котором единственным строением была Спасская башня Кремля, с курантами и звездочкой, и прямо из-под этого шара взмывала вверх космическая ракета. Другим достались подстаканники из выпуклых виноградных гроздьев и колосков, третьим - со строгой белкой, сжимающей лапами орех, четвертым - с гимнастами и олимпийскими кольцами.

Кто объяснит, кто исследует природу той радости, что изливается из этих изображений? И похожа эта радость на музыку в соседней комнате, тонкую и приглушенную, которую ты не включил, не ты и включишь, но призвана она обрадовать именно ту душу, что ненароком поселилась в твоем растерянном теле, и живет себе в этом теле, как на даче, снимая ее, должно быть, на лето - на долгое и забавное лето жизни.

Яша Яхонтов, девятнадцатилетний опездол, все смотрел на свой подстаканник, не отрываясь, а достался ему со Спасской башней и ракетой. Настроение выдалось не болтливое, он все не мог встроиться в общий разговор, поэтому вскоре залез на верхнюю полку и открыл тетрадь. В этой тетради, похожей на маленькую Библию, он вел дневник от руки - раньше он практиковал дневник в Интернете, но электронная открытость ему надоела, захотелось секрета, келейности, захотелось той древней тайны, что всегда скрывается в рукописях - и теперь он писал от руки, закорючечно-неразборчивым почерком, на маленьких белых страничках.

Проводница прошла и сказала, что поезд миновал санитарную зону, и туалеты открыты. Одновременно две девочки вскочили, прервав разговор, и разбежались в разные концы вагона. Они, конечно, не прочь были мимоходом воспользоваться туалетами по назначению, но имелись у них и дополнительные причины навестить эти железные комнатки. У первой из них, Маши Аркадьевой, оставалось еще немного кокаина, и ей хотелось слегка взбодриться на добрую дорогу, тем более что чувствовала она себя странно после безумной ночи, что предшествовала ее отъезду из Москвы. Ночь включала в себя чей-то день рождения, отмечавшийся за городом, у реки, с костром и гаданиями, затем посещение одного пафосного клуба в центре Москвы, где были танцы, белые кисейные занавески, свечи, кокаин и джин с тоником, затем суматошное свидание с возлюбленным, неожиданную ссору, и наконец, - остаток ночи - долгий архаический бред больной бабушки, с которой Маша жила в одной комнате. Уже перед рассветом бабушка, чей припадок безумия все длился, сидела в постели, накрывшись с головой цветастым одеялом, раскачивалась, и Маше приходилось сжимать в руке ее вязкую руку, чтобы бабушке не было так одиноко в глубинах того трипа, который называется старостью. Бабушка постепенно успокаивалась и ей, видимо, начинало казаться, что это не Маша сидит на ее постели, а наоборот, она сидит у машиной детской кроватки, Машу же она видела засыпающим ребенком, и по повелению каких-то древних правил, уста ее стали исторгать сказку. Рассказывая, она хитро и порнографично блестела глазками из-под одеяла:

- Жил-был старичок - золотой стручок. Жила-была старушка - черная избушка. Вот и поженились - вошел стручок в избушку, черную старушку. А там печь горит, зной дает - стручок возьми да и лопни. Покатились горошины по горнице - золотые, наливные. Одна под стол закатилась, другая в щель провалилась, третья под образа, пятая - бирюза, шестая золотая, седьмая святая, восьмая с косичками, девятая проклятая, десятая кудлатая. Десятая за косяк, одиннадцатая за притолоки, двенадцатая под крыльцо, тринадцатая - тебе в лицо! - последние слова она выкрикнула и быстро кинула в лицо внучки некую маленькую вещь. Маша (у нее была хорошая реакция, занималась настольным теннисом) схватила вещь на лету и сжала в кулаке. Затем разжала руку и взглянула - это была старая военная пуговица, потертая, солдатская, из желтой латуни, с пятиконечной звездой и серпом и молотом в центре звезды.

Маша спешно собрала рюкзачок и побежала на вокзал. Пуговицу она по какому-то суеверию положила в пакетик с остатками кокаина. И теперь, закрывшись в вагонном туалете, она достала этот пакетик, осторожно высыпала кокаин на карманное зеркальце и через пластмассовую трубочку втянула его сначала одной ноздрей, затем другой. Потом она взяла в руку пуговицу - белый кокаин забился в уголки звездочки, и что-то зимнее появилось в ней, словно она побывала в снегу или стала елочной игрушкой. Сладкий новогодний холодок блестел на выпуклой поверхности этой пуговицы, а летний поезд все мчался. Маша вдруг ощутила столь сильную любовь и жалость к своей безумной бабушке, что в порыве чувств приложила пуговицу к губам, потом слизнула с нее остатки кокаина - приятная мертвенность объяла кончик языка - и спрятала пуговицу в сумочку, решив, что отныне это будет ее амулет.

Одновременно она увидела всю эту сценку в зеркале над умывальником - себя, целующую пуговицу.

Собственная красота в очередной раз заворожила ее - она взглянула на себя зеленовато-синими глазами и поймала ответный взгляд, влюбленный и немного испуганный - слишком она была хороша, чтобы не бояться своей красоты. Золотистые вьющиеся волосы ее посылали ей привет, личико сияло ровным загаром этого лета, на ней был топ цветов радуги, загорелый узкий живот украшен был пирсингом в пупке, изображающим серебряного человечка - голого отшельника-аскета, который сидел в позе лотоса в овальном углублении ее пупка, как в маленькой пещере. Член отшельника был эрегирован, и он невозмутимо созерцал свой серебряный фаллос.

Она обвела поездной туалет вдохновенным взглядом: как же она боялась этих вагонных туалетов в детстве, как страшилась их вони, их смрадных луж и тряпок, их железных педалей с пупырышками, их лязга и жестяных ведер с непонятными буквами... Страшилась, но больше не боится, наоборот, туалет показался ей прекрасным, родным - он был просторнее и величественнее, чем тесные клаустрофобические европейских поездов с их глупой пластмассой и душным запахом химических освежителей воздуха. Здесь же все было настоящим, кондовым, крупным, как и должно быть в России - просторное окно было привольно замазано краской - и этот загадочный цвет - то ли зеленый, то ли серый, то ли желтый, и крупные размашистые мазки большой кисти - все это выглядело как фрагмент живописного полотна, сверху было нацарапано нецензурное слово, и сквозь прозрачные царапины видны были проносящиеся леса Родины. Волна любви к Родине, как логическое завершение триады, состоящей из волн любви к бабушке и к себе, накатила на Машу, она наклонилась к окну и поцеловала царапину, составляющую черточку над буквой "Й", и сквозь эту царапину поцеловала леса, дачи, заводы, овраги и реки родной страны.

Тем временем в другом конце вагона, в другом туалете девочка по имени Катя Сестролицкая достала из шелкового мешочка с иероглифами крошечный шарик, напоминающий жемчужину. Она положила его на ладонь и тоже, как и Маша Аркадьева, глянула в

зеркало.

Она была столь же хороша, как и Маша, но в другом духе: субтильная, словно ребенок, с очень белой кожей, с темными гладкими волосами, с темными чуть раскосыми глазами, немного похожа на японскую девочку, с припухшими губами, столь яркими на ее овальном личике, что они всегда казались накрашенными. Она смотрела на себя без той робкой влюбленности, с какой глядела на себя отраженная Маша, - Катя Сестролицкая глядела на себя оком заговорщицы, она словно была шпионом, а ее отражение - сообщницей, которой она собиралась поведать секретную информацию.

Ее взгляд и тонкое запястье, глядящее из черных рукавов китайской рубашки, все это было паролем, внимая которому она собиралась узнать саму себя. Минувшую ночь она также не спала, но нигде не тусовалась, а лежала в старой комнате одного московского сквота и молча смотрела на "жемчужину".

Теперь она положила шарик в рот - он мгновенно растворился у нее на языке, оставив сладкое послевкусие. Через минуту туалет, где она находилась, стал кабиной космического корабля, оборудованной приборами будущего, унитаз и раковина расцвели лампочками, кнопками, датчиками, зеркало обратилось в светящийся волнистый экран, на котором возникла прелестная инопланетянка, стройная как стебелек, в черно-синей униформе своего звездолета - ее белое личико-цветок трепетало и безмолвно что-то лепетало детскими устами, словно испившими межгалактической крови - что-то она пыталась сказать: я... я? Вроде бы она хотела обнаружить это "я" - то ли в инопланетянке, то ли на кране, то ли в пульте управления полетом... Горизонтальное движение поезда грациозно вывернулось в вертикальное: теперь все неслось вверх... Фамилия девушки - Сестролицкая - тоже участвовала в ее переживании, и, не в силах найти свое "я", она желала обнаружить ее в "лице сестры".

Лицо сестры на льдистом экране таяло и мерцало, в нем мелькали различные отражения, отсветы, и на какой-то миг - на долю секунды, на сахарную лимонную дольку секунды - она увидела чудесное лицо Маши Аркадьевой, ее золотистые волосы, ее влюбленные глаза - словно два зеркала, обнявшие вагончик с двух сторон, сообщались меж собою по двум каналам восхищения.

Два полурастворившихся "я" отразились друг в друге.

Катя стояла в вагонном туалете, в поезде, несущемся в Крым. И она продолжала там стоять, внезапно околдованная созерцанием герба Украины, который был изображен на расписании, случайно попавшем ей на глаза. Она видела этот герб тысячу раз, но никогда его прежде не замечала, и вдруг ей открылась его странность, его загадочность - этот вензель в духе сецессии, символ, придуманный во времена символизма - удивительный усложненный трезубец Посейдона, почему-то ставший гербом не слишком морской страны - что он значит, этот знак? Катя почувствовала, что этот знак говорит что-то, она должна его разгадать - он словно соткался в глубинах ее галлюцинаций. И она разгадала - это были два "я" - точнее я и его отражение, и оба - я и отражение, пустили корни, обросли завитками, срослись, образовав между собой фигуру, напоминающую восьмерку, - знак бесконечности, и эта бесконечность и соединяла и, в то же время, навеки отделяла "я" и его отражение, как отделяет зеркальная амальгама.

Между "я" и его отражением располагается бесконечность, бездна, и имя этой бездны - Зеркало. Так расшифровала герб Украины Сестролицкая Катя. Почему же Украина пометила себя этим мудрым знаком бога морей? Потому что ей принадлежит полуостров Крым, царство Черномора, одно из самых таинственных мест на свете.

Туда они все и направлялись.

Катя вернулась в купе, ответив на все вопросы, которые задала ей жемчужина. Ей казалось, она успешно сдала некий экзамен.

В купе было сонно. Коля Поленов спал как полено на нижней полке. Маша Аркадьева лежала на верхней с закрытыми глазами, улыбаясь. На другой верхней полке Яша Яхонтов писал в своем дневнике: "И вот свершилось: я еду на Казантип. Но что такое "я"? Кто едет на Казантип в моем лице?"

Последняя фраза показалась ему странной, он даже несколько раз потрогал пальцами свое лицо, но продолжал писать: "Мое "я" состоит, как минимум, из двух "я". Я это Я.Я. (Яша Яхонтов). На пляже или лежа в ванне, когда я гляжу на свое голое тело, я хочу вытатуировать на нем фразу "Здесь живет мое я". Но когда я в одежде, то начинаю думать, что "я" живет между телом и одеждой. Более того, иногда "я" начинает жить в самой одежде. Оно живет в моих кроссовках, джинсах, в моих майках, даже в часах. Вещи это круто".

В этот момент в купе вошла еще одна девушка - Юля Волховцева. Ее все знали, но никто не ожидал ее здесь увидеть. Решение ехать на Казантип с этой компанией явилось к ней внезапно и в последний момент, она подбежала к поезду за полминуты до отправления и запрыгнула в него безбилетницей, и все это время шла по вагонам, высматривая друзей. Встретила по дороге еще каких-то знакомых, в вагоне-ресторане угостили ее апельсиновым соком и сникерсом (она была голодна), но в результате все же разыскала свою компанию.

Ей все обрадовались, девочки стали обнимать и целовать свою красавицу-подружку, хвалить ее смелое решение бросить все и ехать с ними, принесли ей поездного чая и печенья. Дали денег проводнице (у самой Юли не было ни копейки с собой) и договорились, что Юля займет место Яши, а сам Яхонт (таково было, естественно, Яшино прозвище) перейдет в соседнее купе, полупустое.

Как ни прекрасны были Маша и Катя, а Юля Волховцева была еще краше. Она была здесь младше всех, в отличие от подруг, никогда ничего не употребляла, не курила сигарет, не притрагивалась к алкоголю, почти ничего не говорила, только улыбалась, и красота ее была ясной и прозрачной, как хрустальная чаша, наполненная чистой водой. Все ее любили до умопомрачения, все были в нее влюблены, но знали о ней мало: ходила она по подиуму, потом бросила и живет где-то на даче с родителями... Она любила танцевать на рейвах, без нее не обходился ни один open-air, но она в танце всегда была трезвой, улыбающейся, ясной и загадочной одновременно. Называли ее Принцессой рейва.

Яша перебрался в соседнее купе и обнаружил, что там

едет один единственный пассажир - старичок с книгой. Старичок хрупкого сложения, седой и аккуратно одетый во все белое - в белой рубашке, белых брюках, белых парусиновых туфлях. Даже книга, которую он читал, была бережно обернута в белую бумагу. Лицо и руки старика покрывал густой загар. Яхонт (он ценил в себе наблюдательность) отметил, что старичок, несмотря на годы, бодр, и возможно даже это старый англичанин. Но тот, отложив книгу, приветливо произнес:

- Кажется, пасмурный денек намечается.

Яхонт кивнул.

- А в Крыму жарко, самое время отдыхать. Вы на курорт?

- Нет, я на Казантип еду, - сказал Яша, думая о том, что на запястье старика довольно необычный браслет, состоящий из крошечных переливающихся свастик.

- А, это на Азове? - спросил старик.

- Нет, это другой. На Азове там место есть Казантип. Там в недостроенной атомной станции проводился большой рейв, ну то есть большая дискотека как бы... Теперь в другом месте проходит - в селе Поповка под Евпаторией. Туда и название перешло - Казантип, туда я и еду. Там весь август - молодежные как бы... самые модные диджеи, движение типа, и все такое.

- Ну да, я слышал. Потанцевать, значит, едите?

Яхонт кивнул. Старичок снова потянулся к своей книге.

- А что это у вас за браслет? - неожиданно спросил Яков. - Со свастиками. Вы что, фашист?

Старик глянул себе на запястье.

- Этот браслет мне подарили в Индии. Дешевая вещица. Но памятная. Я не фашист, конечно. Это в нашей стране, и вообще на Западе, свастика ассоциируется с фашизмом, а в Индии и на Востоке в целом это знак традиционных религий - буддизма, индуизма... Впрочем, сниму-ка я его - здесь он будет понят неправильно, о чем вы меня любезно и предупредили. Спасибо за напоминание. Видите ли, я последний год провел в Индии, только вчера прилетел, не освоился еще в родных-то краях.

Старичок снял с руки браслет и спрятал в карман. Из другого кармана он вынул наручные часы на кожаном ремешке и надел на запястье - туда, где раньше был браслет.

Часы оказались солидные, юбилейного типа, с крупным циферблатом и большой пятиконечной звездой на циферблате.

- Вот так. Этот символ здесь уместнее, не так ли? Советская власть, правда, ушла, но звезды остались. Ну и хорошо, что остались. Должно же что-то всегда оставаться, - старичок улыбнулся.

"Занятный старец, с обаянием", - отметил про себя Яша и тоже улыбнулся в ответ. Загорелая тонкая длань старика снова потянулась к книге, но Яше не хотелось писать дневник или спать, хотелось еще продолжать беседу с попутчиком.

- А что вы делали в Индии, если не секрет? Да еще круглый год. Отдыхали?

- Видите ли, я собирался просто путешествовать в компании друзей. Но по ходу подвернулось неожиданное дело. Пришлось поработать. Это задержало меня там.

- Вы врач? - почему-то спросил Яхонтов и чуть было не добавил "без границ".

- Нет, я пенсионер. Но раньше работал в московском уголовном розыске следователем по особо тяжким преступлениям. В Индии, в том месте, где я находился, произошло убийство. Ситуация сложилась так, что люди, оказавшие мне гостеприимство, не могли обратиться в полицию. Меня попросили выяснить, кто и зачем убил того человека.

- Вам удалось выяснить?

- Да. Все прояснилось.

Они помолчали. Старику, видимо, хотелось читать, но он из вежливости не открывал книгу. Яхонтов же уже боялся этой книги: он не отказался бы узнать подробнее обо всем, история вырисовывалась красивая, экзотичная... Он уже представлял, как рассказывает о попутчике ребятам.

- Яша, - представился он.

- Сергей Сергеич.

Произошло рукопожатие.

- А где все это случилось? - спросил Яша.

- Вы слышали про Ауровиль?

- Конечно. Город солнца.

- Там и случилось. Убитый был своего рода гуру, духовный наставник. А список подозреваемых ограничивался узким кругом его учеников. Там не любят

социализм вернется

LOVE

живопись павел пепперштейн

вмешивать полицию в дела этих закрытых духовных школ.
- Это прямо приключенческий роман.
- Скорее рассказ. Мне, впрочем, рассказы Чехова больше по душе.
И старик открыл книгу. Видимо, это был сборник рассказов Чехова.

Маша, Катя, Юля, Яша и Коля Поленов прибыли на Казантип, в приморское село Поповка. По дороге от Симферополя покупали на шоссе пирожки, ели их, смеялись. Потом долго искали жилье, поселок весь уже был полон молодежью, приехавшей на рейв, наконец, нашли свободную комнату с четырьмя тесно стоящими железными кроватями, поселились там, но их было пятеро, и хозяева поставили еще одну кровать в саду, прямо под низкими фруктовыми деревьями. Спать на этой кровати изъявила желание Юля Волховцева - это и впрямь было лучшее место, ночью сквозь сплетенные ветви сияли звезды, луна бликами отражалась в листве, но спали в основном днем, урывками, а все ночи проводили на танцполе. Собственно, танцполов было несколько. Но у них выгородили большой кусок пляжа, над этой территорией развивались оранжевые флаги "республики Казантип" - счастливой искусственной маленькой страны, посвященной танцам, музыке и любви.
Потекли друг за другом безумные казантипские ночи, и чем их было больше, тем экзотичнее скакали танцующие, тем глубже было небо над рейвом. В поселке находилась полузаброшенная военная база - вход на ее территорию, закрытый для посторонних, был выстроен почему-то в виде уменьшенной Спасской башни Кремля. В одну из ночей Яша Яхонтов обнаружил себя стоящим на коленях перед этой башней: ему казалось, что эта башня и впрямь единственное строение на земном шаре, и она спасает всех, он молился ее курантам и звезде, а из-под башни взмывали в космос пестрые ракеты... То была ночь, когда общий экстаз достиг пика: диджеи гнулись над пультами, и ветер трепал волосы на их раскаленных головах, девушки вращали горящими копьями, весь танцпол мотало, носило и подбрасывало единым вихрем, как лес в грозу...
В ту ночь Юля Волховцева исчезла. Не сразу ее хватились - видели, что пустеет ее кровать в саду, пустовала она и ночью, вся в лунных пятнах, и днем - в солнечных, но на Казантипе, как и на всех больших рейвах, люди часто терялись, их уносило то одними вихрями, то другими, но в конце концов все появлялись, находились, ведь здесь не было высоких гор, с которых можно было сорваться, находясь в измененном состоянии сознания, да и в море вроде бы трудно было бы утонуть, так как в этих местах далеко тянулось мелководье. К тому же про Юлю знали, что она трезвенница и плавает превосходно, и друзья не волновались. Но через пару дней и ночей заволновались, звонили ей на мобильный, но телефон не отвечал. В комнате, где жили ее друзья, остался ее рюкзачок, остался паспорт... На кровати ее лежал забытый Юлей CD-плейер: в наушниках еще продолжали звучать песни группы "Тату". Август закончился, все разъезжались, а Юля не нашлась. Звонили в Москву общим знакомым - никто о ней ничего не слышал с тех пор, как уехала она на Казантип. Заволновались наконец не на шутку, позвонили ее родителям... Вскоре Юля была объявлена в розыск. Милиция из Евпатории, сыщики, прибывшие из Москвы, - все они топтались на опустевшем пляже, опрашивали свидетелей - никто ничего не знал. Тут Яша Яхонтов вспомнил о старичке, с которым познакомился в поезде. У него оказалась визитная карточка старика, которую тот зачем-то вручил ему при расставании. На карточке было написано: "Сергей Сергеевич Курский". И больше ничего: ни телефона, ни адреса. Но имя это к удивлению Яши, оказалось знакомо ментам из Евпатории, они слышали о таком человеке, слышали о нем и менты из Москвы. Вскоре удалось узнать, где тот живет, и Яхонтов решился поехать к нему за советом - что-то в этом старичке было особенное, легендарное и в то же время спрятанное. Яхонт был чутким парнем, Юлю он обожал, и сердце его кричало и шептало: к старичку, к старичку за помощью.
Так и случилось, что в один из первых дней сентября он вошел в маленький сад недалеко от Алупки. Курский сидел в саду и смотрел на море.
Яшу он, кажется, узнал не сразу. Но затем вежливо протянул ему руку, сказав:
- А, молодой человек из поезда. Узнаю. Яков, если не изменяет память.
Яша кивнул и сел на деревянную скамейку.
- Наша подруга исчезла. Вы видели ее мельком - она ехала тогда в соседнем купе. Юля Волховцева.
- Припоминаю. Когда же?
- Дней десять тому назад. На Казантипе, - Яша рассказал то немногое, что можно было об этом деле поведать.
- Дней десять - это немного, - сказал Курский. - Я вас понимаю: вы волнуетесь. Но, возможно, романтическая история - внезапная любовь, и она бежала с возлюбленным от всех и вся. Такое, согласитесь, часто случается в этом возрасте.
- Она не взяла с собой паспорт, рюкзак. Оставила даже CD-плейер...
- Вполне укладывается в романтическую картину: паспорт и рюкзак показались ей ненужными.
- Может быть. Ее объявили в розыск. Мне надо возвращаться в Москву, но я прошу вас - разыщите ее. Вы это можете сделать.
Курский помолчал.
- Хотите минеральной воды? - спросил он наконец. - "Миргородская", королева минеральных вод. Действительно, вода неплохая. Если ваша подруга не отыщется в ближайшее время, я попробую что-нибудь разузнать об этом деле. Но вы, покамест, не волнуйтесь. Она жива, и жизни ее ничего особенного не угрожает - так мне подсказывает профессиональная интуиция. Оставьте мне номер вашего мобильного - я пришлю sms, как только узнаю что-либо.
Курский проводил гостя.

Я.Я. вернулся в Москву, стал ходить в институт, встречаться с друзьями, выпивать, ездить за город за грибами - благо время наступило грибное. Сознание его странно отреагировало на исчезновение девушки - Юля не была его любовницей, не была и близким другом, в общем-то, он ее совсем не знал, хотя видел нередко и всегда цепенел от ее красоты. Он ждал от себя, что его обуяет мучительная тревога или глубокая безутешная подавленность, или лихорадочная жажда поиска, или неожиданное равнодушие. Его не удивило бы, даже если бы он полностью забыл о ее таинственном исчезновении - но ничего этого не случилось. С тех пор как он услышал от Курского, что Юля, по его мнению, жива и ей ничего не угрожает, он не тревожился, не был подавлен, не стремился к поиску, не испытывал безразличия и не забывал о случившемся. Им овладело мистическое ощущение, что началось нечто, что непосредственно имеет отношение к нему самому, к его будущей судьбе...

(продолжение повести - в книге Павла Пепперштейна "Свастика и Пентагон", выходящей в издательстве Ad Marginem в конце августа, аккурат после KaZantипа, хехе)

фото:**катя савченко**,харьков | фото внизу:**djorrj**<ftodjo@ua.fm>

фото:**валя котик**<nogaruka@ua.fm>

Обзор книг в этот раз – на диво короткий: фотограф А.Кадников разродился наконец(не без НАШего участия) двумя альбомами своих произведений: в одном – 41 красивая фотография из Крыма, в другом – 113 некрасивых фотографий из жизни. Вторая книга называется "Ошейник", и автор мужественно поместил туда несколько страниц стихов собственного сочинения. Читать смешно, но альбом хороший.

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

арт

ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНЫКИ

ИХНЕ ЖЫТТЯ, НАТХНЭННЯ ТА РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ

Р.Э.П.

ЦЕНА 6 ЕВРОГРЫВЕНЬ

Часть 2457 /387-

ВЕЛИКІ ХУДОЖНИКІ, ЙО!

Часть 245... и т.д.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Э.П., R.E.P.party 2006

ФОТОГРАФИИ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

На обложке:
Леся Хоменко,
Дачная мадонна
2004, ХхУ см
Национальная галерея, Жмеринка

Коллекция "Великие художныки"

Каждую неделю новая часть нашей коллекции представляет живописца, который оставил значимый след в своей эпохе. Оставить след в эпохе обойдётся от $200 (в составе худ. объединения) до $5 000 (большой личный вклад, школа, подражатели). В каждом выпуске: качественные репродукции (от $30), биография (от $50(умереть молодым) до $300), рецензирование отдельных произведений (VIP-критики, цены по прейскуранту).

Покупая журнал, вы спонсируете успешное коммерческое искусство и помогаете давить выскочек-провинциалов и гениев- голодранцев!

В следующей части:
БРУТАЛЬНЫЙ МАНЬЕРИЗМ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

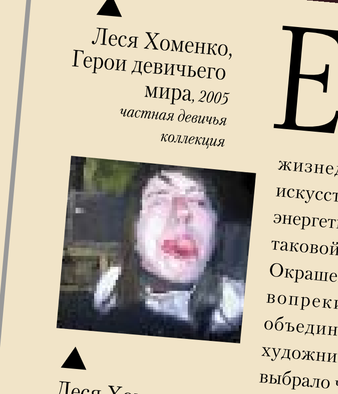

ЛИЦА,
ПАЛЬЦЫ,
ТАТУИРОВКИ
телки и тачки - в спец приложении.

ДИСКУРС-ШМИСКУРС, ИЛИ ОТРОКИ В ЖЕНСКОЙ РАЗДЕВАЛКЕ

▲ Леся Хоменко,
Герои девичьего мира, *2005*
частная девичья коллекция

▲ Леся Хоменко,
Superstars
2006; ХхУ см
Галерея Уффици, Киев

Если революция и годна принести какие-то сочные плоды без червоточин, то безусловно это происходит в самой анархичной области человеческой жизнедеятельности. Зовется она искусством. Оно, в свою очередь, питается энергетическими импульсами. В Украине таковой случился полтора года назад. Окрашен был в апельсиновые тона, но вопреки цвету-антидепрессанту объединение молодых украинских художников для своих знаковых акций выбрало черно-белую гамму. Палатка такой расцветки появилась на Майдане как раз в разгар последующей за Оранжевой революцией предвыборной парламентской компании. Агитация была выполнена по классическим канонам. Если бы не униформа и лозунги... Перед народом выступала Партия Р.Э.П.

> „В группе «Р.Э.П.» буквально несколько имен, которые что-то из себя в искусстве представляют... Очень многие – просто тусовщики, которые пытаются сделать вид, что они занимаются искусством, а на самом деле это что?"
>
> *Константин ДОРОШЕНКО (культуртрегер, PR-директор ИД «Коммерсантъ»)*

Краткие вехи:

Революционное Экспериментальное Пространство - Р.Э.П. - объединение украинских художников, по преданию стихийно сложившееся в памятные дни декабря 2004-го прямо на Майдане. Насчитывало около 20 молодых персоналий разных школ, стилеисповеданий и географических локаций, объединенных брендом - contemporary art. Среди имен фигурировали Никита Кадан, Жанна Кадырова, Леся Хоменко, Владимир Кузнецов, Ксения Гнилицкая, Лада Наконечная, Артур Белозеров, Саша Сулименко, Саша. Семенов,

Р.Э.П.,
We will R.E.P. You
2005

Р.Э.П.,
Untitled Action
2005

Леся Хоменко (1980-0000)

Никита Кадан (1986-0000)

ИМИДЖИ И ФИГУРАНТЫ

Виктор Харкевич, Леся Целованская, Анатолий Белов...
Вероятно, кто-то еще. Утвердившись в наиболее
провокационном и коммуникативном жанре акционизма,
Р.Э.П. готов был представлять Украину на форуме
современного искусства - последней Венецианской
Биеннале. Но... Тогдашний Министр культуры - пропевшая
свое лето-красное эстрадница Оксана Билозир -
распорядилась иначе. Р.Э.П. долго горевать не стал и решил
ознакомить с собой мир средствами более цивилизованными,
нежели протекция государственного бюрократического
аппарата. Тем паче, что именно этот аппарат вкупе с
идиотизмом штампов массового сознания был одним из
главных объектов художественных рефлексий Р.Э.П. В 2005
году резиденцией Р.Э.П. являлся Центр Современного
Искусства, где в формате коммуникативной лаборатории
рождались творческие союзы, раздоры и персональные
предпочтения. После 9-месячного перерыва Р.Э.П. в составе
шести художников планирует вернуться на киевскую
художественную сцену, дабы новым проектом не дать
засохнуть революционному пафосу в украинском искусстве.
Еще пару слов вступления. Этот текст изобилует
терминологией рэповцев, в арсенале которых волшебный
сленг современного искусствоведения. Чаще всего
встречается слово "дискурс" - расплывчатое понятие
контекста-конфликта, в котором филологи до сих пор не
определились с ударением. Популярны также "фигуранты",
"фейк", "интеракция", "интенция", "инновация"... Совет -
заранее ознакомиться с ними в словаре, чтобы на одном языке
виртуально коммуницировать с Никитой Каданом и Лесей
Хоменко. Именно они рассказали НАШему, что такое Р.Э.П.

Никита: - На одной из последних выставок Р.Э.П. в Польше в
замке Уяздовском мы начали нашу пресс-конференцию в
стиле Діда Панаса: "Група Р.Е.П. народилася під час
Помаранчевої Революції..." В общем, началось все с
интеракции группы Р.Э.П. и украинского народа во время
активизированной перформативности последнего. То есть
группа Р.Э.П. очень быстро производила современное
искусство в самых грубых медиа...

- А народ успевал его поглощать?

- Да. Да. Народ очень быстро его поглощал, поскольку
искусство выносилось в места наибольшей концентрации
народа и размещалось в public spaces - Майдан, Кабмин,
Крещатик. Это была быстро сделанная, плакатно-трэшевая
живопись. И современное искусство было отчасти похоже на
самодельные народные агитационные фишки, но с моментами
абсурдизации. А народ ЭТО использовал как агитацию. А
группа Р.Э.П., наоборот, взяла образцы "революционного
народного творчества", привнесла в экспозицию Центра
Современного Искусства экс-Сороса и выставила вместе с
работами Р.Э.П. Произошла совершенно четкая интеракция -
обмен культурным достоянием между украинским народом и
группой Р.Э.П., что положило начало нашему дальнейшему
насыщенному, бурному, емкому, правильному, внятному
диалогу.

*- То есть, в принципе, все произошло как после Октябрьской
революции в 20-е годы в кино с господами Эйзенштейном,
Довженко, ФЭКСами и иже с ними?..*

- Ну, все произошло классно. Ранее мы занимались
некоторыми упражнениями иронично-смысловыми,
формально-пластическими или медиальными, а тут вдруг -
БАЦ! - пришли настоящие люди, ширнули нам инъекцию
адреналина, и все поехало...

*- А если обратить все в сослагательное наклонение и
предположить отсутствие такого импульса? Возможна ли
была "новая волна" современного украинского искусства?*

- Если бы не было, то поколение 20-летних художников
должно было бы в любом случае появиться. Слишком уж
затянулся период юношеского экстремизма, панк-период
наших старших друзей - таких, как Саша Ройтбурд или Олег
Тистол. Относительно всего этого поколения: крайне
неудобно сидеть одновременно на двух стульях - молодых
хулиганов и музейных классиков. Если бы не произошла
передача опыта старого поколения молодому, то вся ситуация
современного искусства в Украине осталась бы всего лишь
приватной практикой ребят из когдатошней "Парижской
коммуны". А вот когда все перешло на уровень
продолжающейся из поколения в поколение традиции, тогда
все встало на свои места. Как в книжках! Или как по
телевизору!

**В истории становления принято рассказывать о годах
ученичества. О них Никита поведал, что из "хорошего"
студента, прочитавшего все книжки до поступления и
прилежно посещавшего лекции, превратился в провокатора.
Репутация была испорчена выставкой, цитирую,
"наивнякового свойства в стиле инфантильных, но свежих**

Р.Э.П.
2004-2005

> „Господа, в 2006 году говорить о какой-то боли, пронизывающей художника, о его беспокойстве, о житии в переменчивом времени, эпохе изменений, о кризисе метафизики искусства, об обломках какой-то культурной парадигмы и возведении новых арт-замков на развалинах минувших дней – все это, господа, анальный ветер трупного происхождения, полное разложение мозга с последующим переходом в состояние синей каши. Говорить о современном искусстве с выпяченной слюнявой губой – это не просто моветон, это какой-то пиздец во имя кризиса, нафталина и моли, затаившейся в подмышках у престарелого калеки."
>
> *Анатолий УЛЬЯНОВ (WWW.PROZA.COM.UA)*

> „Мы не хотим серьезных морд и простатной зауми засыхающей критики. Нас тошнит от этих морд. Желтые густые реки плещутся в наших желудках по этому поводу. Мы блюем и улыбаемся по этому поводу. Блюем и улыбаемся. В конце концов, у нас останется лишь улыбка."
> *Анатолий УЛЬЯНОВ (WWW.PROZA.COM.UA)*

◀◀ Леся Хоменко,
Дачная мадонна, Слон
ХхУ см
Русский музей, Тимбукту

▲▼ Никита Кадан
Swine
XXXxYYY см
Лувр, Париж(пригороды)

Ксюша Гнилицкая (1984-0000)

упражнений по привнесению инноваций в какие-то заскорузлые контексты". Дрочащий Микки Маус или работа Леси "Дід Масай і Зайці" уже радовали НАШего читателя. Академические же круги подобную радость не разделили.

Леся: - У нас будет международный проект в Польше - "Патриотизм завтра". Круг вопросов и рефлексий на эту тему. Мы как раз предложили работу о нашем прекрасном Союзе художников, решенную в стиле передач National Geographic об экзотических тварынах.

Не менее экзотическое явление фауны Киевской Художественной Академии представляет группа китайских студентов, восхищающих своими адаптационными способностями.

Никита: - У нас их научили настоящему советскому искусству.

- *Вероятно, для них это актуально?*

- Ну знаешь, там давно уже пост-маоистский период. Но они как могут совмещают свое национальное идентити со стилистикой советского реализма. Традиции китайщины и Украинской Художественной Академии каким-то образом совпали и родили экзотические плоды - китайцы рисовали Китай в той традиции, в которой десятилетиями рисуют Карпаты.

Пока китайцы оттачивали мастерство советской ...графии, рэповцы взяли на вооружение перформанс, чем и прославились с первых же шагов.

Леся: - Прошлой осенью, под конец нашей резиденции в ЦСИ мы сделали большой проект - цикл акций в публичной среде. Это был абсолютно сознательный жест - выход из-под теплого крылышка институции и передача своего месседжа прямо в народ. Цикл назывался "Интервенция". Мы работали с украинским контекстом, в диалоге со средой. Но важно было вынести этот диалог во внешний контекст. Так "Интервенция" попала на разные международные выставки.

Никита: - Когда мы открывали выставку в Замке Уяздовском, один официальный мэн сказал, что "украинские молодые художники представляют Украину". Тупейшее словосочетание. И мы бы такого о себе никогда не сказали, если бы не было ситуации, что в проекте "Интервенция" мы реально представили Украину. Мы создавали ситуации диалога современного искусства в тупоумном изложении - выходили в образах авангардистов с точки зрения какого-то советского искусствоведа, пишущего критическую книжку о загнивающей культуре Запада. Диалог этих имиджей с вполне реальными украинскими фигурантами, как то уличные бабушки-торговки или ребята из "УНА-УНСО" во время акции "We will Р.Э.П. you", задокументировал украинскую ситуацию, какой она открывает себя в диалоге с *иным*.

Акции "Партия Р.Э.П." и "We will Р.Э.П. you" отразили рефлексии избирательных компаний. Р.Э.П. появился на Майдане в образе шаржевых ку-клукс-клановцев, создав "имитативные имиджи политических экстремистски настроенных

Р.Э.П.,
We will R.E.P. You
2005

Р.Э.П.,
Галерея-паразит
2005

Р.Э.П.,
Восток-Запад
2005

1999, 61х53
Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Ксюша Гнилицкая,
Прятки
серия ИЗ ЖИЗНИ СНЕГОВИКОВ
2006; XxY см

Жанна Кадырова (1981-0000)

Жанна Кадырова, Сантехник
Кафель, цем.р-р.

фигурантов".

Перформанс "Партия Р.Э.П."

Леся: - В последнюю избирательную компанию все партии расхватали всю цветовую палитру. Мы поставили черно-белую палатку и такой же флаг. Теперь это официальный стяг Р.Э.П.

- А каков был месседж?

Никита: - Провозглашалась программа обновления культурной политики Украины. Вот до черта палаток, и у каждой партии есть своя программа, где в конце обязательно есть маленький абзац про культуру, поданный в паре с какой-то ... духовностью. Программы все разные, а абзацы про культуру - одинаковые. И если соединить все абзацы в некую новую культурную программу новой Верховной Рады, то выйдет тавтологическая поэма. Сколько будет партий - столько и одинаково повторяющихся куплетов. Это и будет следующая культурная программа правительства. Это была рациональная часть нашего заявления. А затем через мегафон начинались требования: "Ввести фейс-контроль в общественном

Жанна Кадырова, LM
Кафель, цем.р-р.

Жанна Кадырова, Бриллианты
Кафель, цем.раствор марки 400
Грановитая палата, Москва

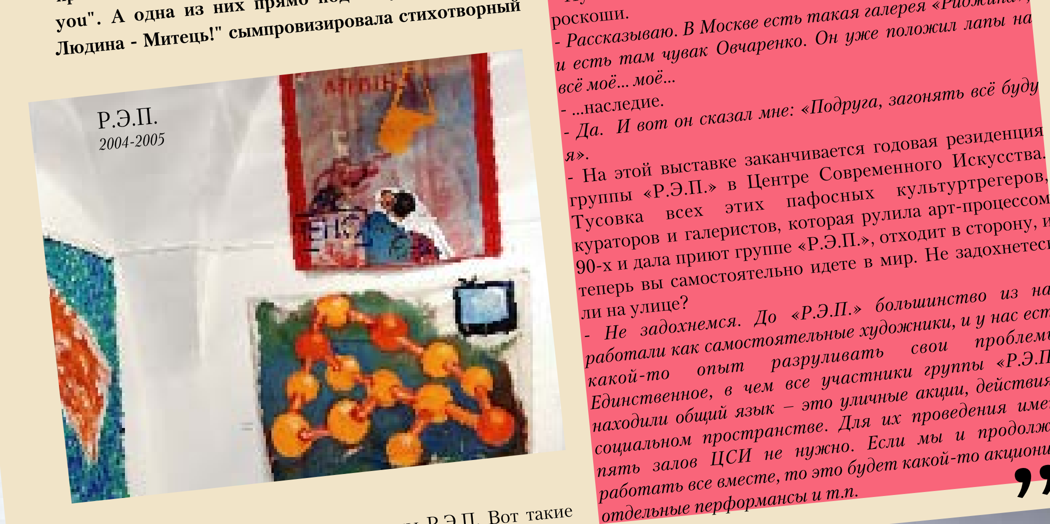

Саша Семёнов
2005

транспорте!", "Предоставить всем домашним животным ежедневный гороскоп!", а также - "Художныкам - сюр, гламур и крэатыв!", "Народным художникам - золоті зубы" и т.д.

Акция "We will Р.Э.П. you" взяла за основу партийный "крестный ход" с портретами Уорхола и Бойса. По иронии искусства, несомненно формирующего реальность, Р.Э.П. столкнулся со своим прототипом в лице религиозного движа партии "УНА-УНСО", закликавшего уступить молитве фарс. Впрочем, еще до появления духовности в лице духовенства уличные бабушки в прямом смысле открещивались от "We will Р.Э.П. you". А одна из них прямо под лозунгом "Кожна Людина - Митець!" сымпровизировала стихотворный

Р.Э.П.
2004-2005

шедевр.

Никита: - Я бы назвал ее членом группы Р.Э.П. Вот такие "подставные" люди есть у нас в массовках. Была еще одна акция во время парламентской агитации, когда все выкрикивали лозунги при скоплении народа на Майдане, мы поехали на закате в чистое свекольное поле под Киевом и провели наш митинг.

Это одна из самых эстетских акций Р.Э.П. Очень поэтическая и трогательная. В духе итальянских неореалистов, уводивших в финале своих героев за горизонт к солнцу. Правда, прежде, чем пережить подобный катарсис, нужно взять себя в руки и не лопнуть от смеха при виде десятка мечущихся с транспорантами рэповцев, заявления которых гласят, к примеру: "П'ять разів на тиждень!"

- Откуда это?

Никита: - Мы часто используем названия заголовков. Это именно оттуда.

Леся: - Пять раз в неделю - духовность, пять раз в неделю - спорт.

- Было что-то, посвященное непосредственно искусству?

Никита: - На акции "Фаст-арт" мы создавали и продавали современное искусство на крымской набережной в палатке в режиме фаст-фуда и по цене гамбургера - 5 грн. Это было в Коктебеле на фестивале джаза. И мы, продуцируя fake-имиджи торговцев сувенирных палаток - пахлава, шаурма, морские

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Анатолий УЛЬЯНОВ (WWW.PROZA.COM.UA)

Силиконовые погремушки из группы «ВИА Гра» учат украинский пролетариат, что «лучшие друзья девушек – это бриллианты». Погремушки постмодернизма подчеркивают, что бриллианты – друзья не только девушек, но и художников. За всем этим театром стоит капиталистический болванчик в золотом чепчике, теребит золотой фаллос в шелковых трусиках и пропагандирует состояние религиозной дрожи для существа человеческого и творческого, которое должно падать в радостный обморок при виде лимузинов, икры, драгоценностей и хрустящих купюр.

Художница Жанна Кадырова осуществила смачный плевок в подобное положение дел и расхохоталась в лицо капиталистическому болванчику. Если художник не может заработать деньги, он должен их нарисовать. Жанна Кадырова слепила бриллианты. Бриллианты не простые, а из кафельной плитки. Разноцветные. Толстым слоем цемента измазанные. Не лепота ли?

- Обкорнать кафель, превратив его в бриллианты... какого бога ты в этом нашла?

- Было приятно осознавать, что я делаю бриллианты. Сама возможность их делать радовала меня изначально. Здесь, конечно, был посыл на Кунса, когда он выставил на одной из международных арт-ярмарок огромный стеклянный бриллиант и продал его за 3 млн. долларов. Мне было приятно сделать бриллианты из кафеля, замазать цементом швы и сказать: «Привет, Джеф Кунс!».

- И за какие деньги ты собираешься продавать свои бриллианты?

- Это не мои заботы!

- Ну ты же хочешь икру, кокс на клиторе и подобные роскоши.

- Рассказываю. В Москве есть такая галерея «Риджина», и есть там чувак Овчаренко. Он уже положил лапы на всё моё... моё...

- ...наследие.

- Да. И вот он сказал мне: «Подруга, загонять всё буду я».

- На этой выставке заканчивается годовая резиденция группы «Р.Э.П.» в Центре Современного Искусства. Тусовка всех этих пафосных культуртрегеров, кураторов и галеристов, которая рулила арт-процессом 90-х и дала приют группе «Р.Э.П.», отходит в сторону, и теперь вы самостоятельно идете в мир. Не задохнетесь ли на улице?

- Не задохнемся. До «Р.Э.П.» большинство из нас работали как самостоятельные художники, и у нас есть какой-то опыт разруливать свои проблемы. Единственное, в чем все участники группы «Р.Э.П.» находили общий язык – это уличные акции, действия в социальном пространстве. Для их проведения иметь пять залов ЦСИ не нужно. Если мы и продолжим работать все вместе, то это будет какой-то акционизм, отдельные перформансы и т.п.

***

Жанна Кадырова, Глобус
Кафель, цем.р-р.

Артур Белозеров, Р.Э.П., Украинский эрмитаж
2005

пейзажи - торговали всеми медиа, стилями и -измами арта. Не отходя от палатки, мы производили на выбор - фовизм, кубизм, сюрреализм, абстракционизм, минимализм, лэнд-арт, инсталляцию, перформанс...

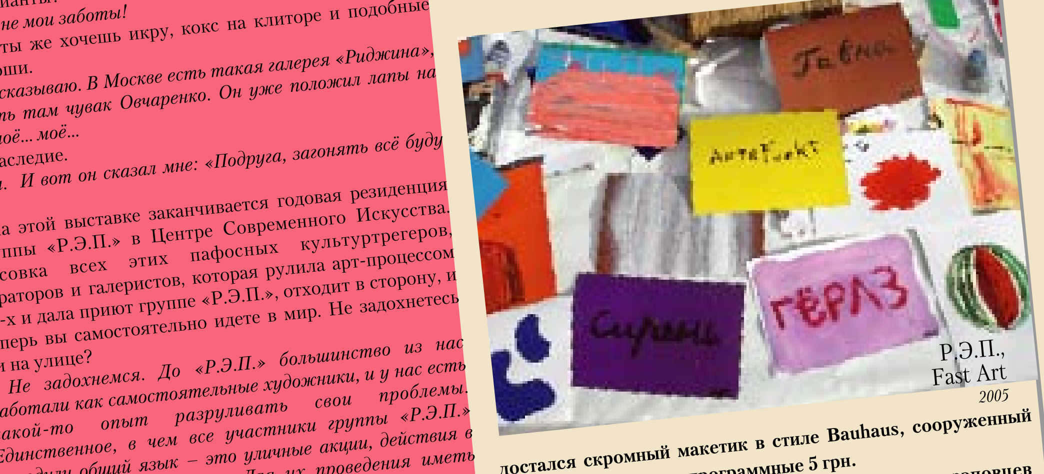
Леся: - ...радикальный и нерадикальный.

Никита: - Лозунги заказанной нам демонстрации по набережной с надписями - "Жиру - жир!", "Пахлава!", "Сальмонелла!"

- Много денег заработали?

Никита: - Каждый день на пиво. Люди покупали такие хрени. Представляешь, идет пацан - купил пиво, девке сладкую вату и амулет на шею, а тут бац - еще по 5 грн. минимализм.

На этой акции у палатки Р.Э.П. появился голландский коллега по арту, бог знает как занесенный в Крым. Ему

Р.Э.П., Fast Art
2005

достался скромный макетик в стиле Bauhaus, сооруженный Никитой все за те же программные 5 грн.

Внедрение современного искусства в народ у рэповцев варьировалось от жестов чистой коммерции до мистических театрализаций. Несколько насильственный характер имела акция "Расширение сознания", в которой успели поучаствовать старик-бомж, девушка в дубленке и ребенок.

Никита: - По улицам ездил белый грязный микроавтобус, и из него выходили люди, одетые в костюмы дезинфекторов, и под локоток приглашали прохожего внутрь микроавтобуса с предложением расширить его культурное пространство, а там ему показывали слайд-шоу объектов современного искусства от 70-х до наших дней. Очень долго и под достаточно тягостную музыку. Смотри! Тебе должно стать плохо от этого слайд-шоу!

- А ребенка-то зачем?

Никита: - Чтобы с нежного возраста приучался к современному искусству. Шоу продолжается до тех пор, пока человек сам не просит прекратить. В конце мы ставили человеку на руку штамп о том, что он ознакомился с современным искусством.

Самыми прямыми реципиентами "Расширения сознания" могли бы стать чиновники Минкульта во главе с Оксаной Билозир, проигнорировавшие победу Р.Э.П. в голосовании на представление Украины на

КОНТЕКСТ-ШМАНТЕКСТ

Венецианской Биеннале. Р.Э.П. посвятил им перформанс "Подковерная политика", организованный перед администрацией Президента.

Никита: - После того, как мы выиграли конкурс украинских проектов для участия в Венецианской Биеннале, Министерство сделало второй этап голосования. Оксана Билозир оказалась недовольной не только голосованием, но и комиссией. В новую вошло много чиновников - кто-то музыковед, кто-то просто бумажки перекладывает, и представители из регионов - например, музеев региональных. Понятно - чем дальше в лес, тем интереснее фигуранты встречаются. До этого комиссия была 50/50 - фигуранты современного искусства и члены Спилки художныкив "з 62-го року". При новых раскладах победил проект "Діти твої, Україно!" - обязательно с восклицательным знаком. А нас из второго голосования просто выкинули. Тогдашний пресс-секретарь Минкульта по возвращении из Венеции констатировала, что проект был триумфальным. А ее коллега в группе поддержки сказала, что проект, конечно, хороший, но он успеха не имел, потому что Биеннале - гавно! Там, дескать, главным объектом была люстра из тампонов, и что было мудрому и глубокому проекту "Діти твої, Україно!" делать на такой Биеннале? Поехавший проект Бабака - такой грустный. Про мертвых детей. Вымершее украинское село, народные игрушки старые, но с оптимистическим моментом - репортерским видео про Оранжевую революцию.

- Каким будет возвращение Р.Э.П. на арену современного искусства?

Леся: - Я сказала, что мы закончили большой цикл "Интервенция" и осенью начинаем еще больший проект, более пафосный. Цикл называется...

- Покорение Вселенной?

Леся: - "Посланцы небес". Предыдущий проект был подготовкой грунта дискурсивного, а сейчас это больше будет от действия, от конкретного внедрения. Основной слоган: "Художник спасет Украину". Художник, который внедряется во все жизненные процессы общества.

Никита: - Это как "Шевченко - главный украинец".

Леся: - На каждой акции или выставке будет появляться бумага с условным анкетным вопросом: спасет ли эта выставка Украину?

Никита: - В соответствии с художественными критериями мы хотим оценивать, например, новогоднее выступление Президента или сборной Украины по футболу.

- Футбол уже можно оценить.

Никита: - Мне кажется, здесь эстетизмом было пожертвовано ради создания какого-то внятного дискурсивного контакта между дискурсом глобальным и локальным. Поэтому локальный дискурс на глобальном уровне утратил свое эстетическое содержимое ради того, чтобы актуализировать ситуацию диалога, но потом на локальном украинском уровне из этой ситуации будет выведена новая эстетическая концепция украинского футбола, на основе которой будет воссоздана на следующих чемпионатах новая ситуация диалога. Кажется, когда мы смотрели украино-итальянскую игру, то оценивали вратарей где-то в плоскости - Мыкола Бабак против Маурицио Каттелана.

- "Посланцы небес" - не слишком глобально?

Никита: - Ну, мы вообще - утописты редкостные. Все-таки вдохновляет опыт Шевченко. Он взял всю эту ростикальную *(по-видимому, от слова rustic - "деревенский, сельский" - прим. ред.)* атрибутику.

- Знаешь, я всех своих знакомых в Питере вожу смотреть на памятник молодому Шевченко. Ничего общего с украинским видением. Там он - молодой щеголь, обтесанный в Петербурге, в модном пальто...

Никита: - Шевченко сделал этот образ как бы играючи: бац! - и главный украинец. И, думаю, наше продуцирование неких фейковых идентичностей - персонажи, которые фаст-арт изготовляют, или "Партия Р.Э.П.", - оно сродни этому украинскому фольк-маскараду Шевченко. То есть он тоже сделал некую фейковую идентичность, но она очень внятно проросла в реальность. И стала главной украинской идентичностью. И в рамках "Посланцы небес" мы будем производить идентичности с таким же прицелом.

Ольга Клингенберг

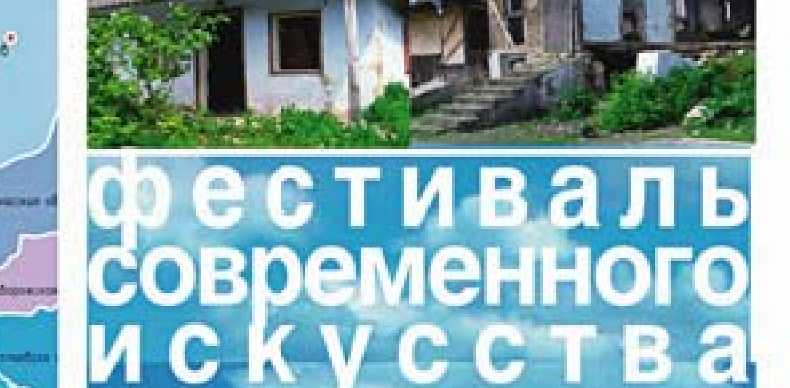
Р.Э.П.
2004-2005

Владимир Кузнецов
2004

4820010750162

В тексте выделены слова, запрещённые к применению в журнале НАШ. Не потому, что мы их не знаем, а потому что ненавидим.

фестиваль современного искусства

public art произведения
нонспектакулярное искусство
граффити инсталляции живопись
графика видео-арт фотография

10-20 августа

7029

МОДА НА ТРУД

Вячеслав Мизин, Александр Шабуров (группа "СИНИЕ НОСЫ") проект [The vogue of labor], 2005

"Современные художники" оторваны от почвы и повседневности. Не то, чтобы они не ходят по улицам и не ездят в метро, но хотят абстрагироваться от сограждан, свысока смотрят на обыденную жизнь, презирают массовую культуру. Тебя зачали не в Моме и на на Арт-Базеле. Чем скорей ты смиришься со своей пуповиной, тем лучше для тебя. Это – твоя родина, сынок! Ты – плоть от плоти "совок". Верней всего, здесь ты и помрёшь. Поэтому постарайся быть интересным не только международным кураторам, но также своим маме и бабушке, своим соседям по лестничной площадке.

...надо популяризировать язык и актуализировать содержание. Твоё искусство должно быть понятно твоему адресату. Твой "мессидж" является сообщением, только если оно до адресата доходит. Иначе это не "мессидж", а пшик себе под нос. Ложные критерии нужно отбросить. Не стоит бояться обвинений в "попсе" (популизме), "шутовстве" (занимательности), "китче" (интересу к языкам массовой культуры), "литературщине" (использованию любых выразительных средств) и т. п. Все средства хороши. Между "современными" и "несовременными" приёмами нет никакой разницы. Делай то, что тебе ближе. То, чему учился всю жизнь. Вспомнилась история про куратора МАКа Питера Нойвера (рассказанная З. Трегуловой). В российской глубинке его потрясли не церквы, не грязь (которые он видел многократно), а окно детской художественной школы. Там – рисовали гипсовые головы!!! В европейских академиях это не практикуют. Нойвер долго в себя прийти не мог!.. Важно одно – захватывает твоё искусство или не захватывает? Чтобы то, чем ты занимаешься, было не "искусством", но прямым высказыванием!

Искусство – проводник актуальных социальных идей. Как было во времена "передвижников", критического реализма и авангарда начала XX века. Это не значит, что нужно начинать плодить реплики перечисленных образцов или объявлять себя их наследниками. Те формы обслуживали идеи, канувшие в Лету. К сожалению, никаких долгосрочных футуристических проектов, требующих интеллектуального и культурного подкрепления, сейчас у России нет. "Экспортом революций" занимается новая "империя зла".

Вячеслав Мизин,
Александр Шабуров
(группа "СИНИЕ НОСЫ")
проект [The vogue of labor],
2005

7031

Показательный случай рассказал недавно П. Пеперштейн, живущий замкнуто. Единственный повод общения с незнакомыми у него – когда он ловит машину, чтобы в гости ехать. Выходит Пепперштейн на улицу, поднимает руку. Тормозит джип, чей владелец явно не заинтересован в дополнительном приработке. Трудится в банке. Рассказывает об офисной жизни. Пепперштейну любопытно, в чём прагматика его откровений. В конце пути брокер признаётся: "Ты знаешь, капитализм заебал! Все достойные люди должны сделать всё возможное, чтобы возродить то лучшее, что было в социализме!"

Когда я пишу это сочинение, по телевизору идёт сериал "Казароза" – детектив из жизни эсперантистских кружков в 1920-х годы. Самый щемящий эпизод – 50 лет спустя. Немощный старик-эсперантист говорит: "Мы представить себе не могли, что наступит такое время, когда девушки будут мечтать выйти замуж за иностранцев, дабы уехать за границу.... Мы верили, что международный язык необходим для мировой революции. Такое было время. Прекрасное было время..."

7033

Вячеслав Мизин,
Александр Шабуров
(группа "СИНИЕ НОСЫ")
проект [The vogue of labor],
2005

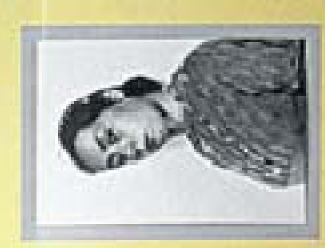
Повторяем ещё раз: наше искусство окончательно загнётся, если не будет принимать привычные массовому восприятию формы. Если не станет интересным пионерам и пенсионерам. Мы – за расширение аудитории. За социально близкий обществу язык. За то, чтобы современное искусство было понятным по форме и актуальным по содержанию.
Наш проект призван вдохнуть в него новую жизнь.

отрывки из текста Александра Шабурова "СЛУЧАЙНЫЕ СОВПАДЕНИЯ"

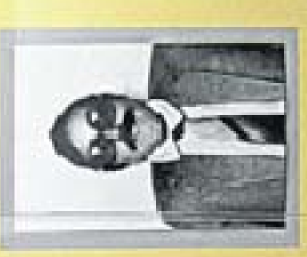

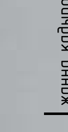

жанна кадырова

"Художник рассказывает вещи, о которых другие догадывались, но не могли сформулировать. А он смог - либо он нервный, либо впечатлительный, либо странный..."

Л.Тишков

"Если на твоем башмаке вырос цветок, встань вниз головой и превратись в цветущее дерево!"

Л.Тишков

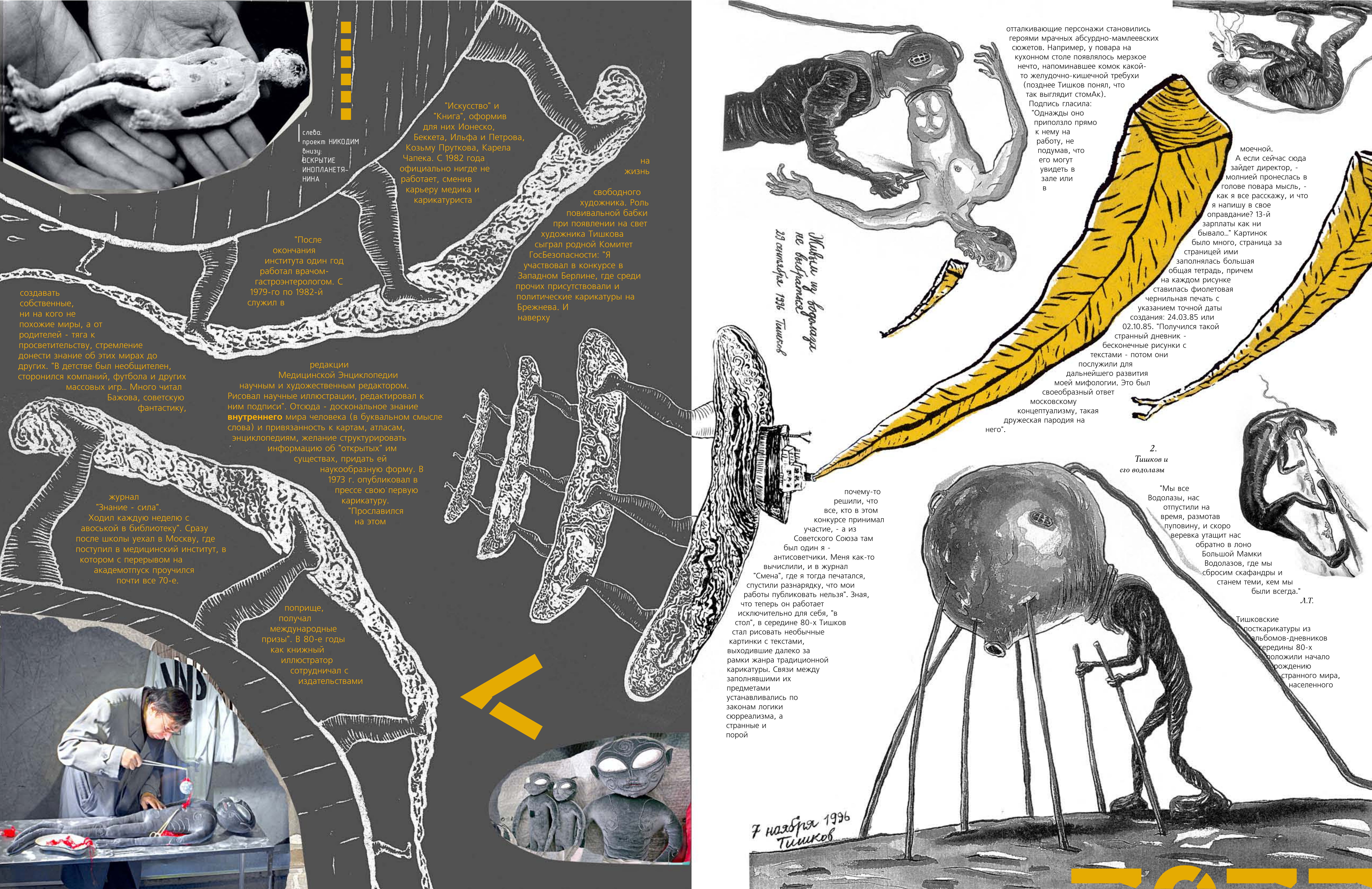
слева: UTERUS
внизу слева: из книги ХРУСТАЛЬНЫЙ ЖЕЛУДОК АНГЕЛА

Леонид Тишков, один из самых ярких авторов российской художественной сцены, график, живописец, карикатурист, поэт, писатель, драматург, скульптор, перформансист и создатель видео, названный в пресс-релизе к одной из американских выставок "человеком эпохи Возрождения в постиндустриальном обществе", всегда был одним из наших любимых художников. Написать о нем нам хотелось давно. А недавно и повод появился: если раньше плоды творчества Тишкова срывали преимущественно завсегдатаи галерей и коллекционеры книжных раритетов, то теперь московское издательство "Гаятри" затеяло выпуск вполне массовой серии "Коллекция существ Леонида Тишкова" (уже вышли трехтомник "Водолазы" и сборник "Даблоиды"), вызвав тем самым новую волну интереса к творчеству художника: масса рецензий в прессе, сходки юных даблоидоманов... На одной из таких сходок, за пару часов до запуска в вечернее небо Даблоида-Гиганта, набитого воздушными шарами, мы и познакомились с автором, оказавшимся похожим на немолодого Илью Лагутенко, не испорченного попсовой славой и халявным кокаином (или что там эти звезды юзают?..) Набравшись наглости, мы напросились в гости в его мастерскую, расположенную под самой крышей одной из чертановских многоэтажек. "Поднимитесь на 24-й этаж - там будет одна большая дверь и много звонков. Мой найдете сразу - над ним маленький даблоид нарисован", - объяснял нам на следующий день по телефону ее хозяин. Выполнив его указания, мы оказались в залитой закатным солнцем большой комнате, где на равных сосуществуют водолазы, инопланетяне, даблоиды, стомаки и их автор со своим же скульптурным портретом в натуральную величину. Здесь можно налить чая из чайника-даблоида в чашку с портретом Энди Уорхолла (проект посуды "Все художники и музыканты мира"), потрогать вязаный хлеб и погреться о снеговика с грелкой внутри. А по соседству с этими и другими волшебными предметами, на полу, стенах, в шкафах и на стеллажах - десятки книг, написанных и оформленных художником, и сотни других, больших и малых работ и объектов, созданных им за четверть века работы в искусстве. Чтобы рассказать обо всем увиденном и услышанном в тот вечер, не хватит и десяти номеров журнала. Поэтому то, что вы прочтете ниже - всего лишь краткий путеводитель по вселенной Леонида Тишкова, составленный "по мотивам" нашей беседы с художником с добавлениями фрагментов из его книг, статей и интервью.

1. Художник Тишков. Молодые годы

"Биография - прямой повод для создания произведений. Все истории, альбомы, книги, объекты и видео, созданные мной, - фантастическое описание самой жизни, преображенный контент моей биографии." *Л.Т.*

Леонид Тишков родился на Урале в 1953 году, в небольшом районном городке Нижние Серги. "Недалеко от его городка стоит неприметный деревянный столбик, на котором две стрелки: "Европа" и "Азия". Часто он с друзьями собирал ягоды или грибы неподалеку. Можно было встать в Азии и пописать в Европу, или наоборот. Возможно, это стало причиной раздвоения личности художника". Отец Леонида был учителем географии, мать - учительницей начальных классов, дед - пусть и неграмотный, придумал собственный алфавит: "...в замусоленной записной книжечке химическим карандашом дедушка чертил странные закорючки, смысл которых понимал только он сам". Вероятно, от деда будущему художнику передалось по наследству умение

слева: проект НИКОДИМ
внизу: ВСКРЫТИЕ ИНОПЛАНЕТЯНИНА

создавать собственные, ни на кого не похожие миры, а от родителей - тяга к просветительству, стремление донести знание об этих мирах до других. "В детстве был необщителен, сторонился компаний, футбола и других массовых игр... Много читал Бажова, советскую фантастику, журнал "Знание - сила". Ходил каждую неделю с авоськой в библиотеку". Сразу после школы уехал в Москву, где поступил в медицинский институт, в котором с перерывом на академотпуск проучился почти все 70-е. "После окончания института один год работал врачом-гастроэнтерологом. С 1979-го по 1982-й служил в редакции Медицинской Энциклопедии научным и художественным редактором. Рисовал научные иллюстрации, редактировал к ним подписи". Отсюда - доскональное знание **внутреннего** мира человека (в буквальном смысле слова) и привязанность к картам, атласам, энциклопедиям, желание структурировать информацию об "открытых" им существах, придать ей наукообразную форму. В 1973 г. опубликовал в прессе свою первую карикатуру. "Прославился на этом поприще, получал международные призы". В 80-е годы как книжный иллюстратор сотрудничал с издательствами "Искусство" и "Книга", оформив для них Ионеско, Беккета, Ильфа и Петрова, Козьму Пруткова, Карела Чапека. С 1982 года официально нигде не работает, сменив карьеру медика и карикатуриста на жизнь свободного художника. Роль повивальной бабки при появлении на свет художника Тишкова сыграл родной Комитет ГосБезопасности: "Я участвовал в конкурсе в Западном Берлине, где среди прочих присутствовали и политические карикатуры на Брежнева. И наверху почему-то решили, что все, кто в этом конкурсе принимал участие, - а из Советского Союза там был один я - антисоветчики. Меня как-то вычислили, и в журнал "Смена", где я тогда печатался, спустили разнарядку, что мои работы публиковать нельзя". Зная, что теперь он работает исключительно для себя, "в стол", в середине 80-х Тишков стал рисовать необычные картинки с текстами, выходившие далеко за рамки жанра традиционной карикатуры. Связи между заполнявшими их предметами устанавливались по законам логики сюрреализма, а странные и порой отталкивающие персонажи становились героями мрачных абсурдно-мамлеевских сюжетов. Например, у повара на кухонном столе появлялось мерзкое нечто, напоминавшее комок какой-то желудочно-кишечной требухи (позднее Тишков понял, что так выглядит стомАк). Подпись гласила: "Однажды оно приползло прямо к нему на работу, не подумав, что его могут увидеть в зале или в моечной. А если сейчас сюда зайдет директор, - молнией пронеслась в голове повара мысль, - как я все расскажу, и что я напишу в свое оправдание? 13-й зарплаты как ни бывало..." Картинок было много, страница за страницей ими заполнялась большая общая тетрадь, причем на каждом рисунке ставилась фиолетовая чернильная печать с указанием точной даты создания: 24.03.85 или 02.10.85. "Получился такой странный дневник - бесконечные рисунки с текстами - потом они послужили для дальнейшего развития моей мифологии. Это был своеобразный ответ московскому концептуализму, такая дружеская пародия на него".

2.
Тишков и его водолазы

"Мы все Водолазы, нас отпустили на время, размотав пуповину, и скоро веревка утащит нас обратно в лоно Большой Мамки Водолазов, где мы сбросим скафандры и станем теми, кем мы были всегда."

Л.Т.

Тишковские посткарикатуры из альбомов-дневников середины 80-х положили начало рождению странного мира, населенного